

УРОДОНАЛЬ ШАТЕЛЕНА

РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.

РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА.

АРТЕРИОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.

ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЬ ШАТЕЛЕНА
продается во всѣхъ аптекахъ
и аптекарскихъ магазинахъ.
Русское Агентство фирмы
ШАТЕЛЕНЪ въ Парижѣ.
Москва, Петровский пассажъ,
№ 38, отд. 5.

Подагра вызывается
скоплениемъ мочевой ки-
слоты. Уродональ Ша-
телена, растворяя мо-
чевую кислоту, вылечи-
ваетъ подагрический при-
падокъ, предупреждаетъ
его повтореніе.

НА ГИТАРѢ

въ нѣм. днѣи бѣтъ знанія нотъ, каждый
можетъ легко научиться играть аріи роман-
сы, танцы и пѣсни. Полн. элочный курсъ
съ бѣзп. прилож. альбома моды. пѣснъ ва-
три руб. Москва, рѣт. журн. „Соколь“
Печатникова пер. 18-2.

Только 15 или 10 рублей (на короткий срокъ)
портреты масляными красками на полотнѣ
съ фотографической картинкой бистъ. натур.
ветин. разм. 10x12 верш. — 15 рублей, 7x9
верш. — 10 рублей. При заказѣ слѣдуетъ
обозначить: цѣны, лица, года, волосы, по-
стома и т. д. Заказы исполняются при за-
дѣлкѣ 5 руб. на портреты. Адресъ: г. Ново-
сѣльскъ, Херс. губ. А. С. ЕДУЦИНЪ.

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучамъ
заочно каждый въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ
исправлюсь дурной по-
черкъ. За 6 десятковъ марокъ
высылаю образцы шрифтовъ,
почерки чужихъ и свои условія.
Одесса, Проф. Каллиграфія
Алотафъ Косодо, Дерибасовская, д. № 19.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование.
Заочное обученіе. Безвѣстная
премій. Каллиграфія, стеногра-
фія, приписаніе къ яроц. **АТ-
ТЕСТАТЪ**. Лыготны учевія
вробна лекція **БЕЗПЛАТНО**.
Адр.: Петрогр. „Кругъ Самообра-
зованія“, Б. Ружейная, 7—56.

ГДѢ И КАКЪ

получить право, не отрыв. отъ школы
дипломъ, на именіе **НАГРУШМУХЪ**
ШАКОВЪ, ЧИНОПРОЗВ., ПОЧЕТН.
ГРАТІИ, и др. нагр. 7 (6)
„Справочникъ Благотворенія“, съ при-
лож. до 50-ти рис. ОБЪЯВЛЕНІЯ ША-
КОВЪ, издав. разд. учредж., высл.
нал. нит. на 5 р. Треб. адр.:
Петроградъ, Литейный, 59—18.
Скѣ. явл. „Справочн. Благотв.“

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктоль-Пеля“, но-
вейшее и наилучшее, иску-
ственное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанав-
ливающее, обезболивающее,
ускоряетъ заживленіе и,
при систематическомъ ле-
ченіи, совершенно устраи-
ваетъ зудъ, жжение и всѣ
явленія геморроя. Имѣются
всюду

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-я
ПЕТРОГРАДЪ

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшимъ источни-
камъ и содержитъ въ себѣ множество удиви-
тельныхъ фокусовъ. Заморозить воду въ жар-
кое тѣлое время. Заставить свѣтъ горѣть въ
облакахъ. Произвести колію въ комнатѣ, не
причиняя никому вреда. Вырастить соевъ въ
почтаса. Разрѣзать нитку стеклу. Получить
облако въ комнатѣ. Валье голыми руками рас-
каленное желѣзо. Картофель фокусомъ. Эти за-
мѣчательные фокусы дѣлаются безъ всякихъ
аппаратовъ. Превратить желѣзный пруть въ
свѣчу. Зажечь сухія дрова водою — и мно-
жество другихъ удивительныхъ фокусовъ. Во время исполненія фоку-
совъ можно каждый домъ превратить въ волшебный замокъ. Но-
вейшее полное изданіе. Всѣхъ фокусовъ въ книгѣ около 300. Цѣна
съ пересылкой наложи платитъ. 1 р. 35 к. Адресъ: Петроградъ, Сибир-
янская ул., № 40, въ редакцію „Отлики Живны“.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.
КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Гойдо-Го-
тликъ, батерды и пр. 208 рис. и черт.
въ текстѣ, транспорант. и тетрадо-
держат. Новѣйш. самоучит. для ис-
правл. почерка въ короткій срокъ.
Главн. нѣм. образц. къ конторск.
скорописи. Цѣна за полный курсъ съ
прилож. и перес. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш.
руковод. для самообразован. со спра-
воин. словаремъ всѣхъ словъ, аутоди-
наши, являющ., и словъ съ буквою Ѣ.
Всѣ правила легко усваиваются по-
мощью 121 упражн. и систематическа-
го ключа. Самоуч. ботыл. форм. 330 стр.
уборнст. шрифт. Цѣна съ пер. 2 рубль
Адр.: Кингсхолд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать
со скоростью рѣчи) полный курсъ
для самообразованія. 368 стр. Цѣна
(за) 3 рубля.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на
службу въ военн. и частн. учр. формъ
прошен., писемъ, какихъ нѣтъ должно
принять, чтобы обезвѣдичить себѣ
службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ законода-
тельство. ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЙ
ПРАКТИКОЙ. Справочная книга для
всѣхъ торгово-промышленн. дѣлателей
и служащихъ. 443 стр. (4-й изд.)
текста. Цѣна 3 рубля.
При посылк. нит. на 25 к.
дорожи.

При ГОНОРРЕЕ

въ острой и хронической формѣ **„ТИДЕРИНЪ“**
использовалъ ея примѣняется
Д-ра мед. Гороховской Діа внутренняго употребл. Тидеринъ
совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или порош. капсулы 2 р.
15 к. двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давыдовъ пер.
1, 28, кв. 8, отд. 90. Отпускается въ аптекахъ по рецепту врачей.

АНГЛІЙСКАЯ СОЛОДОВАЯ ПИЩА

содержитъ ДІАСТАЗЪ, благо-
даря чему является незаме-
нимымъ средствомъ при различ-
ныхъ желудочныхъ заболѣва-
ніяхъ, а также рекомендуется
для грудныхъ дѣтей старшаго
возраста.

АЛЕНБЭРИСЪ

Получаются блестящіе результаты.

БРОШЮРА № 12 по ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО.

Англ. Акц. О-во „АЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“ (Россія)
МОСКВА. Мясницкая, 32. Почт. ящ. 226.

НИВА

1916 г.

№ 43

Выпущенъ 22-го октября 1916 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для вѣдомости въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ: за строку и нѣтъ въ одинъ столбѣ (въ 4 строчкахъ) — 15 к., съ перес. 20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: Петроградъ, улица Гоголя, № 28.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.

изданія

Выпущенъ 22-го октября 1916 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для вѣдомости въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ: за строку и нѣтъ въ одинъ столбѣ (въ 4 строчкахъ) — 15 к., съ перес. 20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: Петроградъ, улица Гоголя, № 28.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1917 г.

52

№№ журнала: повѣсти, разск., картины,
иллюстраціи и снимки съ театра военн.
дѣйствій.

12

№№ ежемѣсячнаго иллюстрированного
приложенія для ДѢТЕЙ.

52

книги „СБОРНИКА НИВЫ“, отпечатанныя четкимъ
шрифтомъ, въ которыя войдетъ:

первая серія
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

полный переводъ
романа
„ДОНЪ-КИХОТЪ“

ТРЕТЬЯ серія
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ

М. ГОРЬКАГО,
С. Я. НАДСОНА,
СЕРВАНТЕСА,
Д. Н. МАМИНА
(СИБИРЯКА).

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ 1917 г. со всѣми приложеніями:

Въ Петроградѣ:

Безъ доставки: 12 р. 50 к.

Съ до- 13 р. 50 к.

ставкою

Безъ доставки:

1) въ Москвѣ: 13 р. 25 к.

2) въ Одессѣ: 13 р. 50 к.

въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ.

Съ пересыл-

кою во всѣ

города и

мѣстности

Россіи

14 р.

Допускается РАЗСРОЧКА платежа:

въ два срока (при подпискѣ

7 р. и 1 июня 7 р.), въ три срока

(при подпискѣ 5 р., 1 апрѣля 5 р.

и 1 августа 4 р.) и въ 4 срока

(при подпискѣ 4 р., 1 марта 3 р.,

1 июня 4 р. и 1 августа 3 р.).

Подробное объявленіе см. въ № 41 на стр. 689—689.

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

Для предупреждения
охриплости, простуды, насморка.

НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Требуйте, просите

во всех аптеках и аптекарских магазинах

НАСТОЯЩАЯ

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

въ коробках съ красной бандеролью,
снабженных именемъ

VALDA

Цена
1 рубль.

(H. Canonne, Paris).

ПѢСНИ НАШЕЙ АРМІИ.

18 пѣсень для мужского хора, написанныхъ въ арміи въ періодъ 1914—1915 гг.
С. Орловымъ и Ф. Щеголовымъ.
Цена парт. — 80 коп.
Новый каталогъ „Сибирская хоровая музыка“ высылается — **БЕЗПЛАТНО**.
Музыкальное Издательство
П. ЮРГЕНСОНА, Москва, 4844,
Петлянный пр., 14.

Требуйте прейох-муранты.

ГОНОРРЕЪ

въ острой и хронической
формѣ применяются препара-
ты для внутренняго употребле-
ния капсулы
КАВАЗАНЪ
и для наружнаго употребленія
протравныя палочки
ВАРОЛИНЪ
Цена 1 кор. КАВАЗАНЪ 2 р. 75 к.
пол. кор. . . . . 1 р. 50 к.
Цена 1 кор. ВАРОЛИНЪ 2 р. 75 к.
пол. кор. . . . . 1 р. 50 к.
Москва, Врачебно-Галеновое
7-во Б. Козихинский, 28. Отпу-
скаются изъ аптеки и апт. магаз.
по рец. врач. **БРОШЮРА**
высылается бесплатно.

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ. Самая полезная книга. Каждый может легко научиться. (1)
Цена 1 р. Москва, ред. журн. „Соколы“, Печатниковъ пер., 18/2.

ПОЛЕЗНЫЯ КНИГИ, РУКОВОДСТВА и САМОУЧИТЕЛИ.
1) Полное собраніе книгъ для быстрой и вѣрной самоподготовки на первый классъ
или на военно-предѣльную, съ правомъ поступленія въ школу прапорщиковъ—
5 р. 75 к., 2) Самоучители языковъ: француз.—85 к., англ.—1 р. 50 к., латинск.—1 р. 45 к.,
итал.—1 р. 25 к., немецк.—95 к., польск.—1 р. 20 к., испанск.—1 р. 3) Бухгалтерія
для всѣхъ—руководство къ самоподготовкѣ на бухгалтера—1 р. 55 к. 4) Шофферъ
и мотоциклистъ—руководство для самоподготовки изъ шофера или для желающихъ
поступить въ автомоб. роту—1 р. 5) Самоучители ремеселъ и промысловъ: Подымъ курсъ мы-
шловаренія—1 р. 50 к. Наготовленіе всякаго рода чернилъ—1 р. 25 к. Наготовленіе безалко-
гольныхъ винъ и напитковъ—1 р. 5 к. Карамельно-конфетное производство—2 р. 25 к.
Чемоданное дѣло—2 р. Кожевенное—1 р. 40 к. Изготовл. тканей и красокъ—1 р. 55 к.
Какъ шить и чинить самому обувь—1 р. 20 к. 6) Книга для конторъ и приказъ.—65 к.
7) Руководство для подготовки на электротехника—6 р. 30 к., кино-механика и стелъ-
ника—6 р. 95 к. Треб. ктн. Москва, Б. Углицинск. 10, изд-ство Д. Кузнецова.

ПИСАТЬ (1)
временно и скоро будете, выпл-
сать „Механическую пропись“.
Цена 1 р. Москва, ред. журн.
„Соколы“, Печатниковъ, п., 18/2.

Съ прибылями 2,000—8,000 рублей
Энциклопедія доходныхъ дѣлъ.
Книга заботливыхъ стрелковъ: создать себѣ жизнь по душѣ, устро-
ить своимъ доходнымъ дѣломъ, имѣть обезпеченіе. Изд. „Энциклоп.“ въ
2-хъ и 12-ти частяхъ. Указываетъ многія дѣла на 1—8,000 руб. дохода,
любимыя, которыхъ можно нѣтъ съ грошей. А чтобы получить вѣрную
прибыль — дамы подробныя изслѣдованія недеянія и дешаго устройства (съ
100 руб.) изъ дѣла. Есть легкія сезон. дѣла, что за 3 м. на работы даютъ
вѣрнаго 1—3 тыс. дохода. Цена 2-ми книг. „Энциклоп.“ 3 р. 95 к. съ перес.
Масса Свѣдѣностей! Книжн. скт. „Новая Жизнь и Наука“.
Москва, Средн. Переславская, 3-11.

НЕВРАСТЕНІЯ

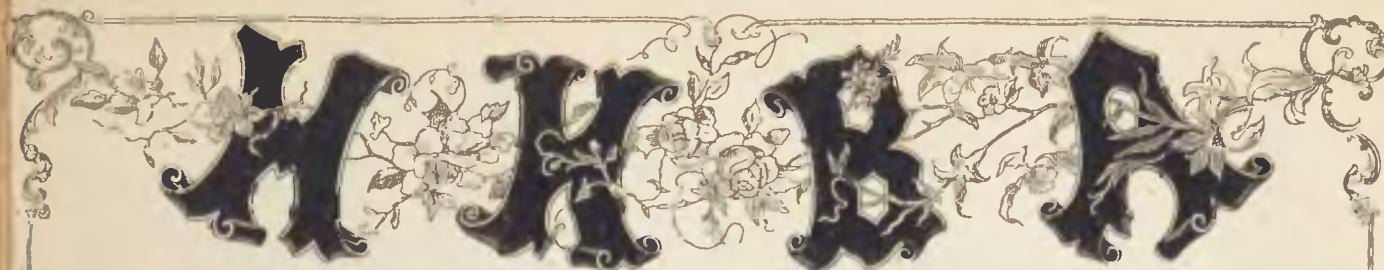
и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сер-
дечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ пе-
чатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіеся въ литературѣ много-
численныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, по-
этому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться
отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ
подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не
имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же
всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлитель-
ныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-ва ПЕТРО-
ГРАДЪ.
поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

№ 43.

Выходить ежедн. (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и Д. КОСТЭРА,
12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 повые спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 № „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.

Выданъ 23 октября 1916 г. Подписная цена съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цена этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Открыта подписка на „Н И В У“ 1917 года.

Вѣсточка отъ сына

Картина Н. Богданова-Бѣльскаго.

В Парижской Grande Opéra давали «Сказки Гофмана». Сезон кончался — в скором времени предстояло открытие русских спектаклей, которые давали в Париже весну. Тем не менее театр был полон, и зрительный зал выглядел еще более блестящим, чем во время зимних премьер, благодаря тому, что теплая погода позволила дамам явиться в светлых весенних туалетах: настоящая симфония красок, в которую черные фраксы мужчин вносили строгие, сдерживающие аккорды. Ложи были заняты все, не исключая дипломатических, хотя спектакль не принадлежал к числу парадных, и интерес его сосредоточивался не в партере или фойе, а на сцене.

Это был один из тех интернациональных спектаклей Парижской Оперы, которые создали ей репутацию мирового театра, озаряющего огнями своей рампой знаменитостей всех стран старого и нового света. Они приходят сюда в ореол славы, как на последний экзамен перед утонченной и своенравной аудиторией, не всегда считающейся с готовыми артистическими репутациями, даже самыми крупными: эта аудитория одинаково строга ко всем кумирам, несмотря на то, что любить создавать своих собственных знаменитостей, из неизбывности вознося их на вершину всеобщего признания. Сегодня ей предстояло вынести приговор певцу, уже прогрессивному у себя на родине и в Италии, откуда он прибыл после блестящих выступлений в Милане.

Итальянского баритона Пранга петь называли настоящим создателем таких ролей, как Риголетто, Дон Жуан и Вольфрам. Подобные отзывы не могли не заинтересовать музыкальный Париж, и интерес этот еще усилился после того, как стало известно, что для своего первого выхода Пранг остановился на «Сказках Гофмана», где должен был петь две роли: Дапертутто и доктора Миракля. Действительно, даже при жеманной подкупности парижан исполнением французского автора, можно было ожидать иной выбор: в опере Оффенбаха оба баритонная партии не велики и, в сущности, не дают материала для суждения об исполнителе. Мифы раздвинулись: один усмотрел в этом выбор осторожность певца, не желавшего выступать для дебюта в ответственной роли, другие, напротив, говорили о высокомерии Пранга, считавшего, что для парижан вводить достаточно духа почти выходных партий. Атмосфера зрительного зала была приподнятая, общее возбуждение до крайности.

В начале оперы гастролер не был занят: публика развешана слушала пролог и первое действие, несмотря на то, что Гофмана пел любитель парижан, Поль Клодмэр. Против обыкновения, ему очень мало аплодировали в прологе за легенду, спетую с увлечением, и только сцена с Олимпией, где он блеснул всей красотой своего прекрасного лирического тенора, вызвала более продолжительные аплодисменты. Наконец, завесы опустились, но публика осталась на своих местах, как и музыканты, ожидая звонка, возмущавшего о переменах декораций.

В зале снова стало темно, и из глубины оркестра поспешили звуки безмерной баритонности, — одного из самых счастливых вдохновений французской музыки. Гениально-простая и совершенная по форме, насыщенная экзотическим упоением, она, быть может, больше, чем какое-либо другое произведение искусства, раскрывает таинственную сущность любви: она говорит об объяснении и поцелуе, о самом ласковом, греховном и понятном — и в то же время в безконечную высь

уносит человеческий дух, в царство грез о недостижимом, и вечно, и вечно тоскою любви, ищущей и не находящей удовлетворения, одолевает, как флером, порывы чувственной страсти. Темными складками бархата лежат, завесы, озаренный синим мистическим светом, и казалось, что там, за этой завесой, скрыт какой-то иной мир, волшебный мир возвышенных страстей и прекрасных страданий, одна из тех сцен, которого разливалась теперь над затихшим человеческим морем. И, несмотря на нетерпеливое ожидание, гром рукоплесканий заставил дирижера повторить интродукцию.

Завесы поднялись с последними тактами баркаролы, которую подхватили хор свещей и звучных женских голосов. Терраса дворца, усыпанная цветами, открыта на спящую Венецию, озаренную блеском луны. Оргия приближается к концу. Свещники горят тускло, недопитые бокалы в беспорядке толпятся на столах, счастливые парочки забывают весь мир в объятиях друг друга. На авансцене Гофман, окруженный куртизанками, тщетно ищет исцеления от своей романтической скорби. Каким странным и чуждым кажется здесь, среди вызывающей роскоши, этот мечтатель в потертом фраке, исключенный, с безумно-будничным взглядом на уродливом лице. Раб своего призвания, Поль Клодмэр не побоялся воспроизвести в гримированном подлинный лик автора «Серапионовых братьев», не думая о том, что его поклонники ужаснутся этого лица, на котором рука судьбы положила так ярко и так злобно свою метательную печать. Он играл в тот вечер, как никогда. Его рецитативы, в которых обманутый и ослепленный Гофман призывает к вдохновенному безумию, при других условиях могли бы потрясти зрительный зал. Но теперь непостоянный парижский партер интересовался не им, и он поневоле отступал в второй план.

Гости Джульетты удалились в игорную комнату, сцена опустела. Тогда, поднявшись с дивана в глубине, приблизился к рампе исполнитель в ярко-красном костюме, похожем на трико Мефистофеля. Остановившись в пластической позе у егола, освещенный сверху багровым светом, он протянул пальцы ушедшему Гофману руку, на пальцы которой сверкала алмаз в оправе золотого кольца. И со сцены полились звуки колоссального голоса, звучащего дьявольским торжеством.

Генрих Пранг, премьер Мюнхенской оперы, пел по-французски с легким, едва заметным акцентом. Зал затих, очарованный, почти поблженный. Гигант в красном дарил над ним, как триумфатор, на его лице с поднятыми вверх дугами бровей играла улыбка демона, жесты, угловатые и злобные, словно полет испанской летучей мыши, дополняли впечатление.

А между тем незаметно он все время следил за палочкой дирижера, потому что выше всего ставил точность музыкальной интерпретации. Его игра была, в сущности, механической и вышней: это был просто опытный техник, искусно выдававший результат своей головной работы за настоящее вдохновение. Сосредоточенно следя за собою, он пел и не видел, что в девяти шагах стоит женщина, не спускающая с него восторженного взгляда, — та самая, которая только что покоилась у него на коленях: Жанна Дарто, молодая певица, исполнявшая роль Джульетты.

И ни он, ни она не замечали, что этот ностальгический взгляд перебрался, как стальная клинка, другим, устремленным на сцену из темноты кулис заднего плана, ревнивым взглядом Поля Клодмэра.

II.

То, что происходило на сцене, нередко совпадает роковым образом с переживаниями исполнителей. Дьявол под именем Дапертутто отнял у Гофмана продажную куртизанку Джульетту: Генрих Пранг, гастролер и герой парижского дня, стал поперек дороги Полю Клодмэра, в его любви к подруге по сцене.

Это началось еще во время репетиции. В первый же момент, увидев немецкого певца, молодой человек почувствовал смутную тревогу, для которой, по видимому, не было особенных оснований. Пранг, хотя и красивый мужчина, оставался все-таки грубоватым немцем, неразговорчивым и самолюбивым, — но Бог вьет какаю приманку для избалованной француженки. Но когда Жанна Дарто, улыбаясь, протянула ему руку для первого поцелуя, Клодмэр невольно вздрогнул, как от ледяного прикосновения, и поклонился певцу больше, чем сдержанно.

Он не хотел сознаться себе самому в том, что ревнует. Ему казалось, что он не имеет даже права на это. Действительно, его отношения к Жанне Дарто были чисто платоническими. Он любил ее, но отвечали ли ему взаимностью, на этот вопрос он не мог бы ответить ни да ни нет. Жанна кокетничала с ним больше, чем с другими, но на то могли быть причины, догадываться о которых он скорее не хотел, чем не мог. Он был для нее во всяком случае выгодным поклонником, а таких никогда не отталкивают слишком резко. Уважение Поля Клодмэра не только льстило молодой женщине, но и выдвигало вперед артистку, вытеснив данные которой один из критиков не без ехидства называл обратноразмерными ее талантами. За кулисами ни для кого не было тайной, что один лишь Клодмэр сумел выхлопотать для нее роль Джульетты в гастрольном спектакле Пранга. Теперь, в благодарность за это, она демонстративно дарит своим вниманием немецкого певца, быть может, считая, что по отношению к влюбленному для женщины выгоде быть благодарной, чем наоборот.

В своем роскошном костюме венецианской куртизанки она стояла между кулисами, освещенная тем же красивым светом, который падал на Пранга. По вышности роза Джульетты подходила к ней как нельзя больше. В этой маленькой женщине, похожей на статуэтку из терракоты, с лицом оригинального восточного типа, было что-то интригующее, раздражающее и вместе с тем иамбичное. Ее срытые глаза поминутно мигали выражением, то вспыхивая ярким огнем, то погасая томно и мечтательно: в улыбке тонких губ дрожали, казалось, живые обещания и острый, возбуждающий слова, которая она так любила. Алмаз в кольце Дапертутто в самом деле точно гипнотизировал ее: по знаку помощника режиссера она вышла на сцену и склонилась перед Прангом, униженно целуя его руку. Этого требовала роль, но Клодмэр, не спускавший глаз с Жанны, увидев в ее поцелуе безмолвное обещание полной покорности тому, кто сумел подчинить эту женщину своей воле, Дапертутто кончил сцену под взрыв аплодисментов, дошедших за кулисы, как буря. — и этот успех соперника еще больше возмущал Клодмэра. Поэтинок прошел, словно в тумане. Терраса опустела, опять, на полу лежал труп Шенши, но за сценой, где собрался хор, баркаролла продолжала звучать. «Один!» — простонал Гофман свою последнюю фразу, и в тот же момент, в дрожащем столбе друмовидного света, перед ним проплыла гонимая, увозившая измученную Полнуага, она склонилась на плечо похитителя: на фоне красного камзола Пранга ее обнаженные плечи сверкали ослепительной близостью. Это был конец: завесы с глухим шумом понеслись вниз, на сцене стало темно, и колонны роскошного дворца сразу превратились в ряды размазанных грязных полотнищ.

Не думая о вызовах, Поль Клодмэр бросился к уборным. Он опоздал: дверь Жанны была закрыта; артистка, закончившая свою роль, спешила переодеться. Но в этот момент рукоплескания доносились громче, — завесы поднимали снова. К ним присоединились другие, уже за кулисами: аплодировали рабочие, монтеры, хористы и фигуранты, разступаясь двумя шеренгами к ступням коридора и глядя в темный проход на сцену.

Оттуда приближалась Жанна Дарто, под руку с Прангом. Она выступала, как победительница, прижимая к груди огромный букет роз. Пранг, раскланиваясь направо и налево, предупредительно указывая на свою партнершу. У дверей уборной оба остановились.

— Итак, вы ужасаете? — спросил Пранг.

— Не сейчас. Я хочу полюбоваться вами в костюме черного доктора.

— В таком случае, не угодно ли вам будет воспользоваться моим автомобилем?

Поль Клодмэр стоял близко, но Жанна его не видела. Она отбывала с улыбкой, которой умела пользоваться, как опасным, и неотразимым оружием.

— А куда мы поедем? Я хотела предложить...

Она оборвала свою фразу на полуслове, увидев Поля Клодмэра. Его искаженное лицо, и без того изуродованное маской грима, в рывком верхнем свете было так ужасно, что Жанна невольно вскрикнула.

— Фи, моск Польш... Вы меня просто испугали. Можно ли приносить искусству такие чудовищные жертвы?

Пранг поспешно исчезнул, очевидно, предвидя готовую разразиться сцену, участвовать в которой, по крайней мере, явно, ему совсем не хотелось. Но молодой человек уже овладевал собой.

— Очень рад, что вы одобряете мой грим, — проговорил он, проницательно. — Могу в свою очередь ответить вам комплиментом: вы удивительно подходите к вашей сегодняшней роли, — подходите во всех отношениях.

Он повернулся, чтобы уйти, но Жанна остановила его. Они были одни в опустевшем коридоре, со сцены доносился стук молотков, позволявший разговаривать о чем угодно, не понижая голоса.

— Что с вами, Поль? Вы ревнуете?..

— Сударыня, я не имею никакого права...

Молодая женщина слегка ударила его по руке.

— Оставьте этот тон! Вы сегодня играли так, как будто были бутафорские кружки в погребе Лютера были до краев наполнены шампанским. Неужели вы не понимаете, что все мы должны быть любезны и предупредительны с нашим гостем? Что сказать по ту сторону Рейна, если он вздумает жаловаться мюнхенским интервьюерам на невоспитанность французской? Я поеду с ним, ужинаю, но не одна, разумеется. Будут Мишлен, Генриетта, Жюльетта — целая компания, и вы тоже, конечно. Идите? Но хотите? Но ведь это же глупо, милый Поль! Подумайте, не развешивайте нашего общества: вы увидите сами, что все будет страшно корректно, — но не болше, право, не болше.

Она просила так убедительно, что молодой человек не мог отказаться. В ресторане Жанна удивила его: она была очень любезна к Прангу, но эта любезность, по видимому, не открывала для него никаких дальнейших возможностей. Немец, скидывая совет другого, был разочарован уже при виде многочисленного общества, собравшегося для полуофициального торжества, во время которого нечего было и думать о

Что с вами, Поль? Вы ревнуете?.. (Глава II, стр. 711).

флирт. Ему показалось, что надъ нимъ смѣются; онъ надулся, сталъ сдержаннымъ и молчаливымъ. Въ общемъ, то былъ невеселый вечеръ—слишкомъ торжественный и потому натянутый, несмотря на обильнѣе взаимныя любезности. Французскіе артисты и представители прессы, галантные и внимательные, не могли все же забыть происхожденія своего гостя и врожденной, нескромной антипатіи къ его странѣ. И разговоръ, почти все время оставившійся въ рамкахъ профессиональных артистическихъ интересовъ, протекалъ безъ воодушевленія, безъ то-товъ и шумныхъ горячихъ рѣчей. Разъѣхались рано, и Поль Клодмэръ, оставившійся жить на тротуарѣ, видѣлъ, какъ Жанна съѣла въ свой экипажъ одна.

Онъ уѣхалъ задумчивый, успокоенный до нѣкоторой степени, но не чувствующій себя побѣдителемъ. Образъ Пранга неотступно стоялъ передъ нимъ, какъ угроза, которую онъ чувствовалъ въ болѣзненной напряженности своихъ нервовъ. И потому—въ коляскѣ Жанны Дарто одно мѣсто оставалось свободнымъ: мѣсто, которое съ такой радостью занялъ бы онъ, если бы его позвали...

III.

Въ Монте-Карло, душнымъ лѣтнимъ вечеромъ, Поль Клодмэръ возвращался пѣшкомъ въ свой отель изъ казино.

Онъ посещалъ рулетку далеко не часто, предпочитая пользоваться лѣтними каникулами для отдыха. Игрорыя залы съ ихъ крикливой роскошью, наполненные пестрой международной толпой, напоминали ему слишкомъ живо Парижъ, о которомъ онъ хотѣлъ позабыть на эти три мѣсяца. Его мечтательную душу гораздо болѣе привлекало то, чего никто почти не замѣчаетъ въ Монако: чарующая природа этого уголка, благословеннаго Богомъ и такъ безжалостно осквереннаго людьми, созданными здѣсь, на лазурномъ берегу Средиземнаго моря, безстыдное и отвратительное царство азарта. Къ изумленію товарищей, онъ, не задумываясь, отклонилъ предложеніе театра казино, дирекція которого считала нелишнимъ украсить именемъ Поля Клодмэра сенсационную программу лѣтняго сезона: онъ усталъ и, кромѣ того, собиравшись на свободѣ поработать какъ слѣдуетъ надъ новыми партіями, въ которыхъ ему предстояло выступить осенью. Онъ жилъ простой и однообразной жизнью: его день, начинавшійся и кончившійся одинаково рано, проходилъ между купальной кабинкой, паркомъ съ площадками для тенниса и роялемъ въ его скромной комнатѣ безъ лишней мебели, которая могла бы помѣшать резонансу. Такая жизнь ему нравилась: онъ былъ доволенъ, и ничто, казалось, не могло поколебать его душевнаго равновѣсія.

Но сегодня въ немъ неожиданно произошла перемена.

Онъ шелъ по берегу моря: надъ горизонтомъ сгустились облака, пробивавшіе изъ-подъ ихъ тяжелыхъ, мѣдно-багровыхъ слоевъ, лучи солнца одѣвали зловѣщнымъ пурпуромъ морскую гладь, и этотъ отблескъ какъ будто проникалъ въ душу молодого человѣка, которая еще сегодня утромъ была безмятежна, какъ небесная лазурь надъ его головою.

Любовь Поля Клодмэра была, въ сущности, самымъ спокойнымъ и нетребовательнымъ чувствомъ. Онъ не хотѣлъ отъ Жанны ничего, кромѣ права любить и уважать свой кумиръ: такъ боготворили когда-то благородные герои Расина избравшія своего сердца. Ревность была тяжела для него, потому что вызвала представление, казавшееся ему оскорбительнымъ по отношенію къ той, которую онъ хотѣлъ только обожать. На прощальномъ банкетѣ, передъ отъѣздомъ труппы на каникулы, Жанна объявила ему, что отказалась, какъ и онъ, отъ всѣхъ приглашеній и ѣздъ отдыхать къ своей тѣткѣ, въ Сенъ-Мало. Поль Клодмэръ, самъ не унывавшійся до сихъ поръ при какихъ обстоительностяхъ, повѣрилъ ей и не слишкомъ страдалъ въ разлукѣ съ любимой женщиной, такъ какъ былъ за нее спокоенъ. Онъ представлялъ себѣ маленькую ферму на берегу сурового, нелишнего моря, садъ за оградой изъ грубо-отесанныхъ камней, черепичная кровля и высокий шпиль церкви, изъ дверей которой выходитъ вереница женщинъ въ белыхъ чепцахъ; мечтая, онъ видѣлъ среди нихъ Жанну съ молитвенникомъ въ рукахъ, задумчивую и умиротворенную.

Вмѣсто того, онъ увидѣлъ ее сегодня въ игорной залѣ.

Разумѣется, нельзя было поручиться, что это она. Рулетка Монте-Карло—выставка красавицъ всевозможныхъ типовъ: но въ концѣ концовъ всѣ эти лица, подкрашенные, запудренные, съ ярко-красными губами и однообразнымъ блескомъ азарта въ глазахъ, сливаются въ одно, и черты женщины, о которой думалъ, здѣсь совсѣмъ не трудно найти въ любой незнакомкѣ. Поль Клодмэръ не успѣлъ броситься въ погоню: толпа игроковъ преградила ему путь, и видѣнье исчезло такъ же быстро, какъ появилось. Тщетно буждалъ онъ по замамъ, въ надеждѣ встрѣтиться снова съ Жанной или съ ея двойникомъ: онъ обошелъ аллеи парка съ ихъ уединенными скамейками и, погруженный въ свою пристрастную, почти не замѣтивъ, какъ очутился за оградой, на прибрежной дорогѣ.

Здѣсь тишина и зловѣщія краски заката еще болѣе гармонировали съ мрачными думами молодого человѣка, и колебанія его мало-по-малу уступили мѣсто увѣренности. Онъ уже не сомнѣвался въ томъ, что видѣлъ именно ее. Жанна Дарто въ Монте-Карло—и, разумѣется, не одна. Не довольствуясь тѣмъ, что со-

лгала, она вдобавокъ скрывается отъ него, быть-можетъ, убѣгаетъ, завидя издали на улицѣ,—очень хорошо! Прекрасно! Передъ разлукой они простились, какъ искренніе друзья: казалось, ничто не мѣшало бы такъ же пожать руки другъ другу при встрѣчѣ—но дружески, просто и сердечно. Она не захотѣла этого. Почему?

О, на это могла быть только одна причина...

Поль Клодмэръ остановился у берега. Внизу море пылало, точно стеклянный куполь, подъ которымъ бунтуетъ пламя. Липовыя тучи, грозозливныя все выше, гасили этотъ безмолвный пожаръ. Что-то знакомое почудилось молодому человѣку въ очертаніяхъ пейзажа, что-то напоминающее старый сонъ. И вдругъ онъ вспомнилъ: здѣсь, направо, должна быть стѣна съ колоннами и дверью въ игорную комнату. Прямо, гдѣ падаютъ полны, недостаетъ балюстрады, за которой промелькнула увозившая Дюльетту тележка: дальше, на горизонтѣ, спущенный облачный софитъ скрываетъ декорацию задняго плана, съ дворцами и башнями Венеціи... Онъ стоялъ какъ будто на авансценѣ: но тамъ, позади, откуда лезла его путь, не было партера: тамъ проходила аллея, обсаженная пальмами, въ тѣни которыхъ были разбросаны скамейки. Поль Клодмэръ вернулся на эту аллею и пошелъ по ней, глядя на песокъ, очерченный слѣдами велосипедовъ,—пошелъ, самъ не зная куда. Вѣроятно, онъ приближался опять къ казино, потому что до него доносились звуки оркестра изъ парка. Внезапно послышался другой звукъ позади: предостерегающій сигналъ автомобиля. Поль Клодмэръ едва успѣлъ отскочить въ сторону, какъ мимо него пронесся экипажъ, окутанный облакомъ пыли.

Онъ видѣлъ этотъ экипажъ всего одно мгновеніе, но его было достаточно, чтобы разсмотрѣть пассажировъ. Жанна Дарто, въ широкой шляпѣ, подвязанной шарфомъ съ развѣвающимися концами, сидѣла рядомъ съ Прангомъ: лица обоихъ отпечатались во взглядѣ и сердцѣ молодого человѣка такъ отчетливо, какъ будто схваченныя объективомъ фотографической камеры. Жанна и Прангъ: каждый изъ нихъ въ отдаленности дѣлалъ въ его глазахъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ пребываніе здѣсь другого. Чтобы онъ не надумалъ колебаться и все-таки допустить ошибку, предусмотрительная случайность показала ему сразу обоихъ.

Поль Клодмэръ опустился на скамью. Имъ овладѣло какое-то странное отчужденіе, зловѣщее безмолвіе передъ грозой, похлѣтствомъ котораго проесяпантисъ, какъ отдаленные раскаты грома, голова оскорбленнаго самолюбія, ревности, обиды и боли. Словно нарочно, оркестръ въ паркѣ послѣ перерыва началъ слѣдующій номеръ—надъ пустынной аллеей, пламеннѣйшей въ багрянцѣ заката, выплыли первые аккорды баркаролы Обербаха. Эти звуки, такіе сладостные для тѣхъ, кто счастливъ, и полные такой безысходной тоски для обманутыхъ и одинокихъ, заставили молодого человѣка задрожать. Ему послышалась дыновская наемщица въ этой мелодіи, какъ будто умышленно отвлеченной на его боль своимъ жгучимъ прикосновеніемъ. Образъ Пранга снова всталъ передъ нимъ: не того Пранга, котораго онъ видѣлъ сейчасъ,—а другого, въ красномъ трико Мейфиста-офеля, играющаго своимъ волшебнымъ алмазомъ. Поль Клодмэръ не былъ суевѣренъ, но, какъ великій французъ, отличался склонностью къ мистицизму: въ эти минуты унынія и душевной слабости ему начинало казаться, что маска Гофмана, надетая имъ въ тотъ роковой вечеръ, отдала его судьбу во власть злой силы, которая издѣвалась теперь надъ своей жертвой.

Мимо пробѣжалъ экипажъ, Поль подождалъ его и велѣлъ отвезти себя домой. Закатъ разгорался все ярче, все фантастичнѣе, и молодой человѣкъ, несмотря на свое подавленное настроеніе, не могъ оторваться отъ этой странной и жуткой картины. Весь горизонтъ былъ точно залитъ кровью; казалось, что тамъ, въ вышинѣ, происходила молчаливая битва титановъ. Грозныя полчища тучъ охватывали землю и море со всѣхъ сторонъ, но солнечные лучи не хотѣли сдаваться: золотыми стрѣлами они разрывали враждебную стѣну и падали отвѣсно въ море, возвращавшее ихъ, какъ зеркало, мятежнымъ и грознымъ небесамъ. На набережной пальмы, скамейки, цѣтники, даже лица людей, окрашенные этимъ тревожнымъ отблескомъ, приняли чуждый и зловѣщій видъ.

Подъѣжая къ своему отелю, Поль Клодмэръ обратилъ вниманіе на необычайное скопленіе публики въ прилегающихъ улицахъ. Толпа волновалась и гудѣла, какъ будто наэлектризованная видомъ воинственнаго заката. Оговенно слышались угрожающіе выкрики, значенія которыхъ онъ еще не понималъ. Мальчишка съ газетами пробѣжалъ мимо, надрываясь отъ крика: Обрывки фразъ долетѣли до него.—„Германія объявила войну Россіи!.. Франція остается вѣрной союзническимъ обязательствамъ!.. Всеобщая мобилизациа въ Парижѣ!..“

Поль Клодмэръ остановился на лѣстницѣ. Внизу дефилировала толпа, расцѣпленная трехцѣтными флагами; военный оркестръ, аккомпанируя тысячеголовою жору, игралъ маршемъ. Вмѣсто изнѣженной мелодіи страсти, еще не отягченной въ душѣ молодого человѣка, раздавалась теперь другая,—полная язга мечей, героическая, объединяющая всѣ сердца въ одномъ благородномъ порывѣ любви къ родинѣ. Точно могучій призывъ, поднималась ибѣня побѣды и славы къ небсамъ, гдѣ догорала въ наступающей темнотѣ пророческая битва заката.

Толпа волновалась и гудѣла... (Глава III, стр. 712).

IV.

Начинался второй годъ войны.

Поль Клодмэръ, уже выслужившій потоны подпоручикъ, былъ раненъ въ Шампани раненъ случайно, не подя врага и не принимая участія въ бою. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ продолжалась бомбардировка города и расположенныхъ передъ нимъ позицій: бомбардировка эта, обыкновенно не причинявшая французамъ особенно большаго вреда, въ концѣ концовъ стала настолько приваичной, что на нее почти не обращали вниманія. Потъ громъ канонады Поль Клодмэръ, какъ ни въ чемъ не бывало, распоряжался эвакуаціей раненыхъ на загроможденной повозками и автомобилями городской площади, когда германскій снарядъ, выпущенный дальнѣйшимъ орудіемъ, угодили въ зданіе ратуши. Взрывомъ были выбиты всѣ стекла въ окнахъ: осколки вѣтромъ разлетѣлись въ разныя стороны, и Поль Клодмэръ былъ раненъ однимъ изъ этихъ осколковъ въ плечо и лѣвую руку. Съ тѣхъ же санитарнымъ транспортомъ, которымъ забирали подпоручикъ Клодмэръ, его самого пришлось эвакуировать въ Парижъ, гдѣ онъ очутился въ лазаретѣ артистовъ Grande Opéra.

Онъ страдалъ не столько отъ раны, въ сущности, легкой, сколько отъ сознанія ея случайнаго характера, насильственно называя себя человекомъ, на котораго упала черепица съ кровли. Онъ считалъ себя вычеркнутымъ изъ рядовъ арміи самой судьбой, отбѣгнувшей его, какъ ненужнаго, быть-можетъ, недостойнаго. Подавленное настроеніе долго не покидало молодого человѣка, сильно затянута ходъ его болѣзни.

— Не будте же такъ потерпѣливы!—говорилъ ему докторъ Блэзъ, веселый толстякъ: когда-то благодушно подсмѣивавшійся надъ простудами мнительнаго тенера, онъ теперь ухаживалъ за раненымъ, какъ настоящая сѣдѣлка, не зная, чѣмъ его успокоить и ободрить.—Война вѣдь еще не кончена: нѣмцы ждутъ вашего возвращенія, и я увѣренъ, что при встрѣчѣ вы сумѣете свести съ ними валии малѣнькіе счеты.

— Если эта встрѣча вообще состоится когда-нибудь,—мрачно отвѣчалъ Поль.

— А почему нѣтъ? Неужели мы будемъ браковать такого молодца изъ-за пустой царапины? Возьмите только себя въ руки, и я ручаюсь, что вы скоро забудете навсегда о вашей перевязкѣ.

Случайность пришла на помощь оптимисту-доктору.

Въ лазаретѣ, гдѣ лежалъ раненый, обязанности сестеръ милосердія исполняли артистки Grande Opéra, и ихъ знакомыя лица помимо волн возвращали мысль молодого человѣка къ той—отсутствующей, о которой онъ не смѣлъ спросить никого, ревниво оберегая свою тайну. Но однажды, проснувшись утромъ позже обыкновеннаго, онъ увидѣлъ около своей постели Жанну Дарто. Въ косынкѣ и апостольникѣ съ краснымъ крестомъ.

Это свиданіе произошло безъ свидѣтелей. Поль Клодмэръ помѣщался въ палатѣ вмѣстѣ съ двумя выздоравливающими офицерами: въ то время, когда пришла Жанна, койки ихъ оставались пустыми. Окна были отворены настежь, бывшія стѣлы палаты служили строгой и стильной рамой для картины пышнаго сентябрьскаго сада, полная лѣтофюлей и позднихъ розъ. Рядомъ съ этимъ яркимъ импрессионистскимъ пейзажемъ измѣнившееся лицо Жанны казалось воздушнымъ, какъ изящная настѣль: нѣсколько искусно положенныхъ штриховъ карандаша, подтема-нившихъ рѣсницы, еще болѣе углубляли ее взглядъ, дѣлая его задумчивымъ и полнымъ скорби.

— Вы узнаете меня, москѣ Поль?—спросила она тихо.—Вы меня еще не забыли?

Что можно было отвѣтить на этотъ вопросъ? Война всецѣло овладѣла душой Поля Клодмэра: образъ прекрасной Франціи, землю которой осквернили пришельцы, былъ все это время его единственнымъ кумиромъ. Но ни одна живая женщина не замѣнила Жанны въ его сердцѣ, и воспоминанія нахлынули на него съ неудержимой силой при видѣ молодой женщины, появившейся наконецъ въ тиши лазарета, гдѣ все говорило о ней, гдѣ невидимо все время ощущалась ея близость.

— Нѣтъ, я не забылъ васъ,—отвѣчалъ онъ, правдивый и искренний, какъ всегда.

Онъ опять видѣлъ въ ней друга: тяжелое и униженное прошлое не существовало для него больше. Въ тотъ разъ ихъ бѣда продолжалась недолго, и ни тотъ ни другая не коснулись въ ней воспоминаній объ этомъ прошломъ; но когда Жанна ушла, молодой человѣкъ долго не могъ успокоиться, и спать онъ въ эту ночь тревожно. Ему снилась новая Жанна, отказавшаяся отъ соблазновъ и радостей жизни ради краснаго креста на груди, который процѣлалъ ей все, что было въ ней раньше темнаго и жгиваго: онъ, едва не потерявшій навѣки свою идеальную возвышенную любовь, теперь въ лихорадочныхъ грезяхъ приветствовалъ ея возвращеніе. И утромъ, снова увидѣвъ Жанну у своей постели, онъ встрѣтилъ ее улыбкой, которая благодарнымъ отблескомъ отразилась въ ея глазахъ.

Они стали видѣться каждый день. Ихъ бесѣды становились все болѣе продолжительными по мѣрѣ того, какъ молодые люди ближе узнавали другъ друга. Между ними точно рушилась стѣна, открывая для обоихъ сторонъ зрѣлище безоблачнаго голубого неба. И то, что было невозможно въ атмосферѣ кулисъ, баловъ и раутовъ веселящагося Парижа, казалось естественнымъ и неизбежнымъ здѣсь, въ этой простой цѣлмуздренной комнатѣ—обители героическаго и прекраснаго страданія.

— Мнѣ кажется, что я никогда не зналъ васъ раньше,—сказалъ ей однажды Поль.

Молодая женщина улыбнулась печальной улыбкой.

— Я сама не знала себя, другъ мой. Я точно родилась снова съ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ на нашей землѣ—какъ женщина и какъ французка. Въ самомъ дѣлѣ, мое прошлое представляется мнѣ какимъ-то сномъ.

— Но вы хотѣли бы его возвращенія?

Жанна отрицательно покачала головой.

— Сны не возвращаются никогда.

— Вы ошибаетесь, Жанна. То, о чемъ вы сейчасъ говорили, испытать и я. Но одинъ изъ моихъ сновъ—самый прекрасный—возвратился.

Тонкая блѣлая рука, лежавшая на одеялѣ больного, слегка вздрогнула. Поль Клодмэръ взялъ эту руку и прикоснулся къ ней губами. Въ палатѣ было тихо, на соседнихъ койкахъ больные уже спали, но свѣтъ электричества еще не нарушалъ влѣгій мнѣхъ осеннихъ сумерекъ. И Поль казалось, что облетающій садъ за окномъ на утро вновь расцвѣтетъ, какъ весной.

Спусти нѣсколько дней послѣ этого разговора Поль Клодмэръ впервые покинулъ лазаретъ для прогулки въ автомобиль. Его здоровье восстанавливалось быстро: то, чего не могли ускорить врачебный режимъ и совѣты доктора Блэза, сдѣлала близость любимой женщины. Онъ видѣлъ въ открытомъ экипажѣ рядомъ съ Жанной, улыбающійся, счастливый, и ему не приходила въ голову мысль о томъ, что однажды—и не такъ давно—это мѣсто занималъ кто-то другой.

Былъ чудный день, полный тепла и солнца, опьяненный тѣмъ ароматомъ, который можно вдыхать только въ Парижѣ, въ благословенные дни бабьяго лѣта.

Экипажъ мчался по бульвару къ Елисейскимъ полямъ, гдѣ еще сохранились остатки баррикады, сооруженныя въ прошломъ году, чтобы преградить германцамъ дорогу къ сердцу Франціи. Поль Клодмэръ указалъ на нихъ Жаннѣ.

— Взгляните на эти срубленные деревья,—сказалъ онъ.—Наша исторія знает не много такихъ величественныхъ памятниковъ. Они не понадобились, нѣмцы не дошли до Парижа: ихъ оставилъ народъ, который они презрительно называли вырождающимися и обреченными. Этотъ народъ проснулся, какъ вы, и совершилъ самый героическій изъ всѣхъ подвиговъ.

Жанна возмужанно сжала его пальцы.

— Этой рукой, да?

— Этой! Нѣтъ. Меня тамъ не было, счастье биться за Францію на Марнѣ не было суждено мнѣ. Но я утѣшаю себя мыслью, что, благодаря атому, мы могли снова встрѣтиться съ вами. Теперь я сдѣлаю еще больше, чѣмъ сдѣлалъ бы тогда.

Онъ говорилъ тихо, склонившійся къ Жаннѣ, которая смотрѣла въ сторону, быть-можетъ, для того, чтобы скрыть слезы. Съ послѣдними словами молодого человѣка, она обернулась, губы ихъ встрѣтились.

V.

— Мадемуазелѣ Дарто у себя?

— Нѣтъ, москѣ. Въ это время она рѣдко бываетъ дома.

Поль Клодмэръ въ радумѣ стоялъ передъ камеристкой, заставшей въ своей кокетливой, хотя и церемонной позѣ. Часы

показывали пять; в половине восьмого отходил поезд в Бордо, с которым ему необходимо было уехать.

— Я подожду здесь, — заявил он, в полном противоречии с ходом своих мыслей, как это часто бывает.

Камеристка проводила его в знакомую комнату и удалилась, ничем не обнаруживая своего удивления по поводу несвоевременности этого визита.

Жанна Дарто жила в малолюдной части города, в двух комнатах, которые она обставила сообразно со вкусами своими и своего друга, расхитившимися в немногочисленные. Это были две очаровательные бонбоньерки — самая подходящая раковина для такой жемчужины, как Жанна Дарто. Все здесь было хорошо знакомо Полю; каждую мелочь они приобретали вдвоем, как счастливые новобрачные. Жанна отказалась поселиться в квартире своего друга, шутливо объясняя свой отказ тем, что два артиста не могут ужиться под одной кровлей. Клодмэр же настаивал; занятый военной службой и вынужденный зачастую распределять свое время не совсем удобно, он понимал затруднительность совместной жизни при таких условиях для привыкшей к комфорту женщины. В конце концов ему ничто не мешало посещать в любое время уголок Жанны; но, вверив своим деликатным привычкам, он предпочитал делать это в определенные, заранее известные хозяйки часы.

«Если она очень задержится, мы так и не увидимся сегодня, — подумал Поль, восторженно поднимаясь с дивана. — Где она может пропадать по целым дням? Вот человек, который совсем не думает о своем здоровье!»

Он подошел к карте фронта, украшенной стфи. Его глаза искали черный кружок с названием «Верден», не сходящим со столбцов газет и повторявшимся на все лады в Париже. Он провел пальцем ломаную линию вверх по карте, к бельгийской границе.

Звонок телефона прервал его размышления. Он взял трубку, ожидая вопроса Жанны; к его удивлению, послышался грубый мужской голос, спрашивавший хозяйку.

— Ей нет дома, — сказал молодой человек. — Если угодно, я передам ей, что вы желаете.

Одну минуту в трубке были слышны только шум проводов; очевидно, говоривший колебался.

— Кто у телефона? Воишь?

— Да, это я!

Инстинктивно он поддавался внутреннему чувству, заставившему его вызвать на откровенность неведомого собеседника, и ответил утвердительно, не думая о дальнейших, — ответил с правильной и естественной интонацией, как опытный актер. Говоривший попался на удочку его мастерства, о котором, понятно, не мог догадаться.

— Передайте, что сегодня в девять часов ее ожидают на Северном вокзале. Четвертый перрон дальних поездов. Она должна быть непременно.

— А если бы я не увидел ее и не смог...

— Все равно, она придет. Время и место ей известны. Могли произойти изменения; я хотел только предупредить ее, что все остается по-старому.

Последовал отбой. Поль Клодмэр стоял у стола, с телефонной трубкой в руке. Он разужал спокойно и трезво: война научила его справляться со своими чувствами. Итак, Жанна еще раз обманывала его, после всего, что между ними было, а он — он даже не мог уличить ее, потому что против воли сам сдался похитителю чужой тайны. Для размышлений у него не было времени: за дверями слышались уже шаги и голос Жанны. Увидев своего друга, она смутилась, — так он заключил по ее шумной и нервной радости, показавшейся молодому человеку превеликой. Все в ней теперь было для него лживым, все поддерживало мысль о притворстве и извине.

— Прости, дорогой, — сказала она, — я заставила тебя ждать. У меня столько хлопот с этим лазаретом и распределительным пунктом.

— Передайте, что сегодня ее ожидают на Северном вокзале... (Глава V, стр. 714).

борьбы и только любовь Жанны, ее мольбы и слезы обезоруживали его, заставляя оставаться около любящей и любимой женщины. Теперь он думал, что несет справедливое наказание за свою слабость. Та, ради которой он малодушно изменил родни, изменила ему сама. Он уже не приводел, как раньше, никаких смягчающих, утешительных доводов; он говорил о своем отпращении туда, откуда не возвращаются, как о свершившемся факте, — холодно и спокойно.

— Но ведь вчера еще ты не думал об этом? — простонала Жанна.

— Вчера? Нет, я об этом думал всегда, с самого начала осады Вердена. Я только колебался — но теперь слишком довольно этих недостойных колебаний. Я не хочу краснеть за свое малодушие, не хочу, чтобы я сам и другие считали меня недостойным имени француза. Одним словом, это вопрос решенный.

— В таком случае, я тоже буду просить, чтобы меня направили в один из верденских санитарных отрядов.

Поль Клодмэр пристально посмотрел на нее; она выдержала этот испытующий взгляд, и в душе молодого человека снова пробудилось сомнение. Не колеблясь, она готова была последовать за ним туда, где даже служба сестры милосердия представляла совершенно исключительную опасность. В ее глазах тоже была решимость, не уступающая решимости Поля: она говорила правду, она его любила по-прежнему. Но тогда этот таинственный разговор по телефону — что он значил? Здесь была тайна, которую необходимо было выяснить во что бы то ни стало.

Поль Клодмэр посмотрел на часы. Пора. До половины девяти ему нужно сдать еще кое-какие официальные визиты, а до вокзала не близко.

— Я вернусь завтра утром, — сказала она. — Тогда мы успеем переговорить с тобой обо всем подробнее.

В глубине души Поль мучительно страдал за свой обман, но избежать его было невозможно. Путь шпиона имела свою логику, — думал он с горечью, — украв одну тайну, он тем самым вынужден был сдаться похитителем и другой. Правда, он обманул не первый — с ним сдвигали это раньше: но Полю было не легче от этого.

Когда он поцеловал на прощанье руку Жанны, взять его упало на колы, украшавшее эту изящную руку, которого он не замечал раньше: золотое кольцо с крупным алмазом, сверкавшим ослепительно-яркими лучами.

Теперь он узнал это кольцо и вспомнил, где он видел его в первый раз.

(Окончание следует).

Вальтер Гринвэй, шпион.

Рассказ Роберта Холмса, полицейского священника *).

I.

Мне сказали, что я от него ничего не добьюсь. Все же я зашел к нему в камеру — просто так, для очистки совести. До суда он содержался в участке — за попытку проникнуть в чужую квартиру, с целью грабежа. Мне хотелось поближе познакомиться с ним, чтобы, в случае, если его оправдают, оказать ему посильную помощь.

Но, как мне и предсказывали, я не добился от него ничего. Этот гибкий, невысокий человечек, лет тридцати, с энергичным приятным лицом и мечтательными большими глазами, выдавал себя за глухонемого.

Выражение его лица сразу же возбудило во мне подозрение: оно было слишком умно для глухого. Однотонный был весьма элегантно, что тоже казалось странным: откуда он мог добыть себе средства, если, как он сам заявил, он не умеет ни читать ни писать, и даже не понимает тех знаков, которыми объясняются с глухонемыми?

Я дал ему понять, что я не считаю его ни глухим ни немым.

В суд ему, как глухонемому, был дан переводчик, инструктор глухонемых, опытный и дельный человек. Но все его усилия не привели ни к чему: тщетно старался он вырвать хоть слово от этого странного субъекта.

Процесс начался, но без большого успеха.

— Будьте добры, объясните ему, в чем мы его обвиняем, — с изысканной любезностью обратился судья к переводчику, который был слегка обезкуражен.

Секретарь прочитал обвинительный акт. Пальцы переводчика зашевелились с неистовой быстротой. Порою он громко и резко хлопал правой рукой по левой. Обвиняемый смотрел на него с учтивым и добродушным вниманием, но, видимо, не понимал ничего. Тогда переводчик замедлил темп и еле-еле двигая пальцами, снова передал весь обвинительный акт. Любопытство немого угасло, со скукой глядя он на неутомимые пальцы, и в конце концов начал зевать.

*) Рассказ этот не выдуман автором. Это не беллетристика, а истинное происшествие, быль. Книга Роберта Холмса, где собрано несколько подобных рассказов, имеет сейчас в Англии огромный успех.

На салионском фронте.

На аэродроме в Салониках. Палатки летчиков. Вокруг каждой палатки разбиты цветники.

Оставить человека без лица было немилосердно, жестоко. Но лишить его постели—это гадко! Не мудрено, что к нему вернулся дарь рѣчи.

— Послушай ты, скотина, идіотъ!—завопилъ онъ бѣшенымъ голосомъ.—Куда ты унесъ одѣяло? Или ты хочешь меня уморить? Сейчас же принеси мнѣ постель и отдай назадъ одѣяло.

Надзиратель вернулся къ нему.

— А,—сказалъ онъ,—вы заговорили? Отлично. Я предчувствовалъ, что вы скоро излѣчитесь. Теперь, пожалуйста, какъ васъ зовутъ? чѣмъ вы занимаетесь? гдѣ вы живете?—и вы тотчасъ подучите вашу постель и ѣду.

Тотъ немедленно сталъ мягокъ и кротокъ. Онъ показалъ, что зовутъ его—Вальтеръ Гринвэй, что ему двадцать девять лѣтъ, что живетъ онъ въ городишкѣ поблизости, что по профессіи онъ служащій въ банкѣ, что онъ холостъ, живетъ у отца, бывшего аптекаря, обладающаго небольшимъ капиталомъ.

Все это вполне удовлетворило полицію, и проголодавшійся былъ тотчасъ же накормленъ. Въ участкѣ воцарилась тишина.

II.

— Чтѣ же заставило васъ притвориться глухимъ и нѣмымъ?—спросилъ его на другой день мировой судья.—Вы причинили людямъ столько ненужныхъ хлопотъ. Какъ додумались вы до такой чепухи?

— Мнѣ не хотѣлось вмѣшиваться въ это дѣло родныхъ, про-бормоталъ подсудимый,—вотъ почему я и притворился глухонѣмымъ.

Увы, это была новая ложь. Полиція къ тому времени достаточно знала его предыдущую жизнь. Его отецъ дѣлалъ немало попытокъ помочь ему, облегчить его участь. Никогда этотъ молодой человекъ не стѣнялся вовлекать въ свои дѣла своихъ родственниковъ, если отъ этого ему была хоть малѣйшая выгода. Каковы бы ни были причины, заставившія его притвориться нѣмымъ и глухимъ, его родственники были зтѣсь ни при чемъ.

Дѣло продолжалось безъ задержки. Вскорѣ оно перешло во вторую инстанцію, въ судебную палату, и тамъ была подробно изслѣдована вся уголовная его біографія.

Оказывается, онъ получилъ блестящее образованіе, выказалъ большія способности; въ банкѣ былъ незаменимымъ, безцѣннымъ работникомъ; превосходно владѣлъ языками: по-нѣмецки, напри-мѣръ, говорить и писать такъ свободно, что его можно было принять за прирожденнаго нѣмца. Было ясно, что до преступле-ній его довелъ не нужда, что онъ сдѣлался грабителемъ безъ всякой причины—просто изъ любви къ этому искусству.

— Онъ взбирается на крышу, какъ кошка,—доложилъ мнѣ одинъ изъ сыщиковъ, не безъ тайнаго восторга предъ ничѣмъ,—и какъ ловко онъ прыгаетъ тамъ наверху, на шестомъ, на седьмомъ этажѣ: намъ и внизу такъ не прыгнуть! Попробуй, поймай его тамъ наверху! Это все равно, что охота за тигромъ. Онъ вдругъ соскользнетъ по водосточной трубѣ и окажется на двѣсти ярдовъ дальше, чѣмъ вы его ждете, и вамъ не поймать бы его никогда, если бы онъ не былъ такимъ идіотомъ, и самъ не под-пускалъ васъ къ себѣ, чтобы подразнить и позлѣить васъ и по-смотреть, какъ онъ замучитъ васъ своей бѣготней. Только это и губитъ его всякій разъ.

Девять разъ полиція ловила его на мѣстѣ преступления, тамъ, на крышахъ. Онъ всегда пробирался въ чужія квартиры чрезъ чердачное окно—не иначе. Кромѣ этого влеченія къ грабежу, въ немъ не было никакого другого порока: онъ не пилъ, не курилъ, не игралъ въ карты, былъ милымъ и скромнымъ молод-дымъ человекомъ. Но, конечно, службой въ банкѣ онъ не могъ заниматься регулярно, съ тѣхъ поръ, какъ промѣнять свою кон-торку на крышу,—съ двадцатилѣтняго возраста. По какой-то счастливой случайности онъ всегда попадалъ на мягкосердечнаго судью, и тотъ назначалъ ему самое легкое наказаніе.—не каторгу, а только тюрьму. Въ этотъ разъ случилось то же самое. Когда онъ отбылъ свое наказаніе, онъ пожелалъ повидаться со мной.

— Пошлите меня куда-нибудь подальше. Здѣсь мнѣ оста-ваться нельзя. Мои родные не желаютъ меня знать. Тюремный священникъ доказывалъ мнѣ, что я замѣчательный малый, что они должны гордиться такимъ сокровищемъ, какъ я,—но это не привело ни къ чему, это только ухудшило дѣло. Они знаютъ меня лучше, чѣмъ онъ. Попъ перестарался: ужъ очень его уни-лило, что я такъ ловко перевелъ для него какую-то нѣмецкую чушь. Родные отвернулись отъ меня, и я не виню ихъ за это. Довольно они со мною намучились. Они дали мнѣ съ дѣтства такъ много хорошаго, а я... Глупо было бы съ ихъ стороны при-нимать меня опять въ свое лоно.

— Займитесь какимъ-нибудь дѣломъ,—сказалъ я ему.—У васъ такъ много разнообразныхъ талантовъ. Въ тюрьмѣ вы были пер-сильетчикомъ, бухгалтеромъ, типографомъ, художникомъ—не такъ ли? А до того, какъ попали въ тюрьму, вы были контор-щикомъ, корреспондентомъ, грабителемъ, глухонѣмымъ—и мало ли чѣмъ еще. Кстати, чтѣ это вамъ пришло въ голову разыг-рывать тогда глухонѣмого?

— Глупый капризъ, вотъ и все. Хотѣлось подшутить надъ по-лиціей... Пустое озорство, базовство...—Его лицо искривилось въ умишку, и онъ продолжалъ: Можетъ-быть, вамъ это покажется страннымъ, но, ей-Богу, это суцная правда: всякій разъ, какъ я вижу на крышѣ окно чердака, я не могу противостоять иску-

шенію. Куда бы я ни шелъ, мои глаза противъ воли поднимаются вверхъ. Я замѣчаю, какъ беззаботно большинство обывателей въ отношеніи своихъ чердаковъ, и мнѣ хочется доказать имъ, что они заблуждаются, считая себя въ опасности. Такъ я гибну изъ-за своихъ дарованій, изъ-за этой проклятой способности ка-рабкаться по каждой водосточной трубѣ и прыгать по крышѣ, какъ котъ. Мнѣ никогда не исправиться въ мѣстности, гдѣ есть чердаки, или хотя бы вторые этажи. Для меня было бы очень полезно поступить куда-нибудь на пароходъ и отправиться въ дальнее плаванье. Я могъ бы взобраться на мачту, не при-чиняя никому несправности. Тамъ не было бы никакихъ иску-шеній. Или въ индѣйской деревнѣ, гдѣ сплошь одни вигвамы, или въ лагерѣ бедуиновъ, гдѣ никакихъ чердаковъ. Тюремный попъ говорилъ совершенную правду, описывая мое ангельское поведеніе въ тюрьмѣ. Я вѣдь себя и впрямь херувимомъ. А по-чему? Потому что мнѣ ежедневно давали возможность забираться въ самыя высокія сферы: красить карнизы, чистить трубы и прочее. Такія развлеченія отвлекли меня отъ пороковъ. Кромѣ того, верхнія окна тамъ украшены рѣшеткой, какъ и нижнія. Пошлите же меня въ морское плаванье, а не то—вы увидите—мнѣ опять не избѣжать искушенія.

Станный это былъ человекъ. Чистосердечно признавался въ своихъ порочныхъ слабостяхъ, и все же былъ такой очарова-тельный, милый. И даже, по существу, олагодородный.

Вскорѣ послѣ этой бесѣды я получилъ письмо отъ одной ко-рабельной компаніи, съ просьбой прислать подходящихъ людей. Я и рѣшилъ отрекомендовать туда Вальтера Гринвэя, ибо не было резонновъ опасаться, что онъ кому-нибудь причинитъ без-покойство.

Такъ онъ уѣхалъ, и нѣсколько лѣтъ я не слышалъ о немъ ничего.

III.

Но вотъ въ ноябрѣ получаю отъ него длиннѣйшее посланіе, написанное съ явнымъ расчетомъ вытравить изъ моего ума окончательно всякое воспоминаніе о его недавнихъ грѣхахъ. Нелегко было читать это посланіе, ибо все оно написано каран-дашомъ на двадцати пяти различныхъ клочкахъ выщѣпшей, по-желтѣвшей бумаги. Буквы кое-гдѣ стерлись, такъ что о содер-жаніи нѣкоторыхъ строкъ можно было только догадываться.

Воспроизвожу это письмо по памяти, не ругаясь за абсолют-ную точность:

„Гдѣ-то въ благословенной Месопотаміи блуждастъ загорѣ-лый, глухонѣмой бедуинъ въ такой степени похожій на меня, что я счелъ бы его за родного брата, если бы не его одѣяніе. Тамъ онъ скитается, несчастный калѣка, неспособный понять ничего въ томъ, чтѣ дѣлаютъ сейчасъ его единовѣрцы, ихъ ту-рецкіе владыки, и нѣмцы—владыки этихъ владыкъ.“

„Считая, что его злая болѣзнь непослана ему всевышнимъ Аллахомъ, они позволяютъ ему бродить, гдѣ вздумается, въ лаге-ряхъ, въ окопахъ.—вездѣ. Ихъ забавляетъ, съ какимъ ребяче-скимъ ужасомъ заглядываетъ онъ въ заряженные пушки, какъ онъ вздрагиваетъ, когда въ лабиринтѣ траншей наткнется на потасиное орудіе. Они даютъ ему постель и, покуда онъ бѣтъ, они боятся обо всѣхъ своихъ планахъ и замыслахъ, а турецкіе и нѣмецкіе начальники издаютъ при немъ свои приказы, ибо онъ глухъ и не можетъ слышать, ибо онъ нѣмъ и не мо-жетъ ничего никому разсказать.“

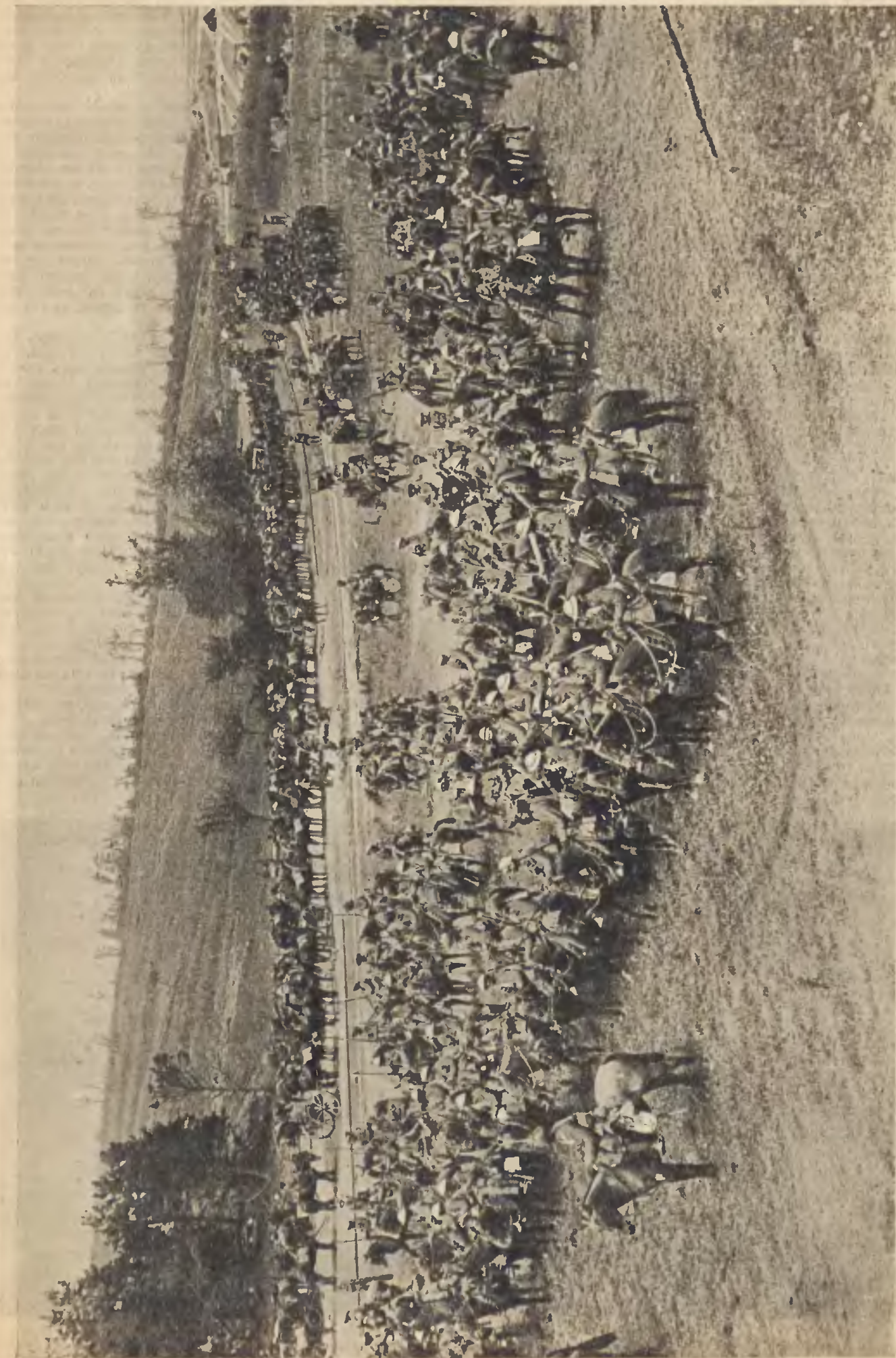
„Уставъ отъ блужданій, онъ уходитъ изъ лагеря, и никто не остановить его. Вѣдь онъ—отмѣченный Господомъ, перстомъ, ему нельзя причинить никакого вреда, ибо Аллахъ отомститъ за него.“

„Такъ онъ проходитъ изъ лагеря въ лагерь, и, видя, какъ под-готовлены турки къ войнѣ, его испуганнымъ, большіе глаза ста-новятся все чернѣе, пугающѣе.“

„Иногда онъ пробирается къ англійскимъ позиціямъ,—всячески однако избѣгая встрѣчаться съ невѣрными. Вчера его встрѣтили наши солдаты. Онъ былъ ужасно измученъ и голоденъ. Клянясь, вотъ-вотъ упадетъ. Солдаты привели его въ землянку и накормили его. Онъ бѣлъ съ отвращеніемъ, отплевываясь, и, казалось, онъ проклинаетъ невѣрныхъ, которые спасли его отъ голодной смерти. Въ одно и то же время его лицо выражало и страхъ, и безсиліе, и гнѣвъ. Вскорѣ ему, видимо, нафѣли солдаты, при-ставившіе къ нему со всѣхъ сторонъ, и онъ отправится въ глав-ную квартиру, куда его почему-то выпустятъ.“

„Тамъ, конечно, никому не удалось выпарапать у него ни малѣйшаго свѣдѣнія о расположеніи вражескихъ позицій, о коли-чествѣ тамонныхъ войскъ. Глаза-то у него были, если не было слуха, и эти глаза видѣли много драгоценныхъ вещей, но—увы!—онъ былъ нѣмъ и не умѣлъ писать. Если бы только нашему штабу были доступны тѣ свѣдѣнія, которыми обладалъ этотъ глухонѣмой, многія тысячи человеческихъ жизней были бы со-хранены и спасены...“

„Но вотъ онъ засуетился, собрался уходить. Можно ли довѣ-рить ему это письмо? Чтѣ жъ, рискну—была не была! Чѣмъ-то въ письмѣ мало, а бумага дрянная: лучшей я нигдѣ не могъ достать. Часто собираюсь я написать вамъ, чтобы вы знали, что и я слушаю, какъ могу, моей родиной, здѣсь, въ Месопотаміи, подъ лютымъ, палящимъ солнцемъ. Я описалъ вамъ этого глухо-нѣмого, ибо, какъ вы знаете, когда-то и я пробовалъ исполнять его роль. Конечно, онъ исполнитъ свою роль превосходно, го-

Индійская кавалерія.

На западномъ фронтѣ.

раздо лучше меня, но ибды и то сказать: ему не приходится имбть дбло съ вашей англйской полицией, которая такъ подозрительна. Можеть-быть, онъ и не лучше меня, а просто ему повезло: вмбсто тбхъ христйанскихъ собакъ, которыя окружаютъ меня, его окружаютъ наивныи дбти Аллаха.

«Если онъ не потеряетъ этого письма по дорогб, и оно въ концб концовъ дойдетъ до васъ, помолитесь за этого ббднаго отверженнаго бедунна, во имя того глухонбмого, съ которымъ вы пробовали когда-то бббдовать въ далекой полицейской тюрьмб.

«Пожалуйста, нбббстите меня. дошло ли до васъ это письмо, ибо я почему-то питаю большое довбрйе къ своему двойнику, — братскую какую-то симпатю, — и если вы откликнетесь и пошлете мнб на его имя письмо, я опишу вамъ подробно все свои приключеня за тб восемь лбтъ, что протекли со времени нашей разлуки».

IV.

Итакъ, вотъ гдб онъ наконецъ очутился! Въ Месопотамй, въ британскихъ войскахъ, въ качествб шпона-развбдчик! Опасная, но цбнная служба. Пригодилось ему прежнее умбнйе разыгрывать роль глухонбмого. Когда я прочиталъ его письмо, сердце у меня захолонуло: не одобровать молодцу. Но вскорб я сообразилъ, что эта роль — самая для него подходящая. Онъ такъ артистически знаетъ пбмбцйй языкъ и, несомбнно, за восемь лбтъ своего жптйя на Востоке, успбл отлично изучить и арабскй и турецкй языки.

Признаюсь, этотъ ловкй парень привелъ меня въ такое восхищенйе, что я отправился на поиски его родныхъ. — но напрасно. И мать и отецъ у него умерли, такъ и не узнавъ о томъ оредбб геройства, который окружаютъ ихъ сына.

Онъ былъ ихъ единственнымъ сыномъ, и я не могъ отыскать

Колонйя для дбтей русскихъ добровольцевъ, сражающихся въ рядахъ французской армйи, въ Fontenay-aux-Roses близъ Парижа.

о христйанскихъ праздникахъ Рождества и Крещенйя. «Одинъ дезертиръ, переббжавшй на наши позицйи, рассказалъ, что турки проводили о визитахъ глухонбмого къ намъ и потому встрбтили его съ большимъ подозрбнйемъ. Они внезапно стрбляли изъ ружья у него надъ самымъ ухомъ и смотрбли, не вздрогнулъ ли онъ. Они ставили его возле большаго орудйя и начинали такую пбтббу, что у ббдняги отъ сотрясенйя воз-

въ нашей мбстности ни одного, даже отдаленнаго, родственника. Это меня очень опечалило, такъ какъ, не съ кбмъ было подблиться моею радостью, и главное, не о чемъ было ему написать.

Такимъ образомъ мое отвбтное письмо врядъ ли показалось ему интереснымъ. Я просто выразилъ ему свой восторгъ, а также надежду, что онъ выйдетъ живымъ и невредимымъ изъ всехъ рискованныхъ своихъ приключений. Отправить я это письмо по тому курбзному адресу, который былъ имъ указанъ, — хотя и не могъ понять, почему это онъ не хотбтъ, чтобы письмо было послано прямо въ британскую дбйствующую армйю, на его настоящее имя.

Въ февралб я получилъ отъ него новое большое письмо.

«Чортъ возьми, какъ прилипаетъ къ человеку дурная его репутация! Развб я намъ писалъ, что я разыгрываю роль глухонбмого? Я сообщалъ вамъ объ одномъ человекб, до того похожемъ на меня, что онъ могъ бы сойти за моего брата, но, пожалуйста, учитель, не думайте, что это былъ я, — нбтъ и нбтъ! Воздайте должное ббдному малому, не отнимайте у него его заслугъ! Не приписывайте его добродбтелей такому шалонаю, какъ я.

«Итакъ, онъ отправилъ мое посланйе къ вамъ черезъ военную почту, а самъ отправился къ своимъ единовбрцамъ, чтобы провести съ ними Святки, хотя сыны Аллаха едва ли слышали

Колонйя для дбтей русскихъ добровольцевъ, сражающихся въ рядахъ французской армйи, въ Fontenay-aux-Roses близъ Парижа. Группа призрбваемыхъ дбтей съ директоромъ колонйи П. И. Фидлеромъ.

духа шла кровь изъ ушей и поздравей. Онъ оказался наизавраду глухимъ. Съ этой стороны онъ не опасенъ. Но, можеть-быть, онъ не лишится дара рбчи? Кто знаетъ, ибмой ли онъ.

«Горячее желбзо, прикладываемое къ различнымъ частямъ его тбла, показало достаточнымъ ередствомъ, чтобы вырвать изъ него хоть словечко. Средство оказалось недействительнымъ, хотя онъ будетъ до самой могилы носить на тблб эти страшные ожоги. Они попробовали также вырвать у него два-три ногтя. Слезы градомъ катились у него по щекамъ, но онъ все же не промолвилъ ни слова, а только стоналъ и кричалъ. Тогда они уббдили, что онъ дбйствительно глухонбмой, а не притворникъ, — и стали молиться, чтобы ихъ миновалъ праведный гббъ Аллаха за то, что къ страданиямъ несчастнаго, отмбченнаго Божьимъ перстомъ, они прибавили новую муку. Они стали относиться къ нему съ презрбтельной ибжностью. — такъ сообщилъ дезертиръ. Онъ снова сталъ бродить по турецкому лагерю, чуть только немного оправившись.

«Когда онъ появился на нашихъ позицйяхъ, его пальцы, у которыхъ были вырваны ногти, представляли собой игольную язву. Рука была изббдена гангреной. Докторамъ пришлось отббзать его лбвую руку. И тутъ случилось чудо: онъ заговорилъ!

Школьная подписка на военный заемъ въ Англйи.

Онъ заговорилъ — и горе проклятымъ мучителямъ, преступившимъ великую заповбдь своего великаго пророка. Онъ выдалъ все ихъ планы, описалъ расположенйе ихъ войскъ, батарей и резервовъ, съ такой аккуратностью, съ такой математической точностью, которой никакъ нельзя было ожидать отъ простодушнаго сына пустыни.

«Теперь онъ не человекъ, а развалина. Должно-быть, турки, заподозрбвъ, что онъ шпюнъ, плохо кормили его. Говорятъ, они давали ему всякую гниль и поили несвбжей водой. Онъ заболблъ жестокой дизентерей. Докторамъ пришлось-таки повозиться съ нимъ.

«Всбмъ было любопытно узнать, какова его дальнейшая судьба, ибо, заговоривъ, онъ сообщилъ окружающимъ, что въ тысячб миль отъ Адена у него есть клочокъ земли, жена и тройка превосходныхъ ребятъ, которые ждутъ не дождутся его возвращенйя.

«Тамъ онъ жплъ тихо и мирно посблбнйя восемь лбтъ, но, услышавъ, что грянула война, воспламенился, и его потянуло пойти и повоювать «за Георга», — такъ называлъ онъ нашего короля, — фамильярность, быть-можетъ, простителная въ чело-вбкб, который былъ такъ долго нбмымъ.

«По странной случайности, я и самъ живу неподалеку отъ Адена, и у меня есть жена и тройка превосходныхъ ребятъ, которые ждутъ не дождутся моего возвращенйя. Мнб тоже отббзали руку. Я тоже страдаю отъ жестокой дизентерйи. Не правда ли, мы страшно похожи? Конечно, я не въ правб сердиться на васъ за то, что вы не хотите признать высокой доблести моего двой-

ника, но и не могу отказать ему въ своемъ уваженйи, — и до гроба не оставлю его.

«Онъ говоритъ, что мы, — братья по крови, — прошли чрезъ тб же самые ужасы, сражались въ однихъ рядахъ, имбемъ одинаковыя раны. Вмбстб мы и выйдемъ въ отставку, въ виду непригодности для дальнейшей дбйствительной службы. Вмбстб мы проберемся къ тому клочку земли подбб Адена, который служить намъ домомъ, — и, можеть-быть, я расскажу вамъ о немъ еще кое-что, когда мы очутимся тамъ.

«Теперь два слова обо мнб самомъ. То мбстечко, о которомъ я сейчасъ говорю, я увидблъ, проббжая по Красному морю, и думать о немъ всю дорогу, пока мы не прибхали въ Коломбо. Я не могъ изгнать его изъ своей головы. И едва сошелъ съ парохода, немедленно направился туда.

«Мнб страшно понравилась мбстность, расположенная на высокомъ холмб, нать самымъ моремъ, окруженная лбсомъ. Почему мнб она понравилась, ей-Богу, не знаю, — можеть-быть, потому, что тамъ жила одна женщина, съ которой я познакомился въ Адени.

«И вотъ теперь это мбсто — мой домъ. Эта женщина — моя жена. Если бы я привезъ ее въ Англйю, многие повернулись бы

къ ней спиной, ибо цбтъ ея кожи — не бблый. Но сердце у нея золотое. По духу она гораздо больше британка, чбмъ многй ея ббзлыя сестры, называющйя себя этимъ именемъ. Она не удерживала меня возле себя, когда я сказалъ ей, что хочу воювать. Напротивъ, она облегчила мнб мое поступленйе въ армйю, сказавъ, что и сама безъ меня сумеетъ справиться съ нашей плантацией.

«Къ сожалбнйю, она не умбетъ ни читать ни писать, такъ что я не получаю о ней извбстй съ прошлаго лбта. Я жажу снова увидбться съ нею и со своимъ дбтьми. У меня двб дбвочки и мальчикъ. Какое мнб дбто, что у нихъ темная кожа. Если бы у меня у самого не было темной кожи, — развб могъ бы я сдблаться хорошимъ шпюномъ... Вотъ я и проговорился, выдалъ вамъ весь свой секретъ, — но, скажите, что же мнб было дблать, чтобы послужить своей родинб! Строевыхъ прйемовъ я не знаю. Если бы я вздумалъ пойти добровольцемъ, стали бы справляться о моей прежней сущности. Вотъ я и подумалъ, что въ качествб глухонбмого я принесу наибольшую пользу. На этотъ разъ я игралъ свою роль лучше, чбмъ тогда, въ нашей камерб. Тогда мнб нечего было терять. А теперь я съ удовольствйемъ думаю, что моя игра пригодилась, что я хоть чуточку да помогъ нашей армйи.

«Теперь мнб пора уходить. Моя служба уже больше не надобна. Я сталъ инвалидомъ, пора на покой. Но я не одинокъ, дома меня ждутъ съ истерическимъ, и дай Богъ, чтобы никогда встрбтнн дома такъ горячо, какъ меня. Здбсь будетъ награда за все. Всего хорошаго! Прощайте!»

Побѣда.

Рассказ В. Роншина.

Ефрейторъ Василий Антоновъ перекрестился и перепрыгнулъ черезъ заборъ. Велѣлъ за нимъ перепрыгнуть и казачій урядникъ Аванасій Овсюкъ. Оба отбѣжали въ кусты и легли на сырую землю. Было очень темно. Изъ лагеря плѣнныхъ доносились слова вечерней молитвы.

— Кажись, никого,—сказалъ Антоновъ и, поднявъ голову, посмотрѣлъ на звѣзды.—Намъ сюда, вонъ на эту звѣзду.

Они встали и, перерѣзавъ конопляное поле, вышли на большую дорогу. Лагерь остался направо, и уже не было слышно солдатскаго „Отче нашъ“. Ночь была росистая, влажная. Въ травѣ звенѣли сверчки. Пахло медомъ. Антоновъ шелъ быстро, держась прямо, точно въ строю, и въ тактъ махая руками. Овсюкъ, хотя и былъ выше ростомъ, едва поспѣвалъ за нимъ.

— Ложись, тебѣ говорю. За день здѣсь сплещемся, а ночью опять пойдемъ.

Овсюкъ подумалъ и тоже легъ на траву.

Они спали до полудня. Только когда июньское солнце, пробиваясь сквозь густую листву, начало жечь лицо, Антоновъ всталъ и, отыскавъ незамѣченный наканунѣ ручей, напился теплой воды. Потомъ онъ опять заснулъ.

Вечеромъ они снова шли, уже безъ дороги, прячась черезъ засѣянный поля, все на западъ, на зеленую, сверкавшую въ небесахъ, звѣзду. Передъ разсвѣтомъ они услышали отдаленный и прерывистый рокотъ.

— Никакъ пушка?

— Пушка и есть.

Плѣнные.

— Ты дорогу-то знаешь?
— Я тебѣ говорю: на звѣзду.
— Много ихъ, этихъ звѣздъ.
— Ладно, иди за мной.

Впереди заскрипѣла телега, и изъ-за поворота выѣхалъ нѣмецкій крестьянинъ.

Овсюкъ остановился.

— Влопались... Такъ и есть.

— Молчи...—отвѣтилъ Антоновъ и поздоровался:—Abend!

Телега проѣхала мимо, и еще долго по каменному шоссе ступали подкованные копыта. Антоновъ прибавилъ шагъ. Теперь Овсюкъ почти бѣжалъ рядомъ съ нимъ. Оба устали. Съ обоихъ катился потъ.

Такъ, не останавливаясь ни на минуту, они шли всю безконечную ночь. Когда надъ дугами закрубили бѣлый туманъ и подулъ предутренній вѣтеръ, Антоновъ сошелъ съ дороги и спустился въ лошину. Въ лошину было свѣжо, шуршала тростинка, и взапуски кричали лягушки. Антоновъ оглядѣлся кругомъ и легъ.

— Ложись.
— Чего?

Они вошли въ перелѣсокъ и опять проспали до ночи. А потомъ снова шли по туману. Было холодно, и накрапывалъ дождь. Утромъ Овсюкъ сказалъ:

— Не могу больше. Третьи сутки не ѣлъ.

— Ну такъ что, что не ѣлъ?

— Не могу.

Антоновъ покачалъ головой:

— А еще тоже... казаки...

Овсюкъ, огромный, заросшій русою бородой, насупилъ сердито брови:

— Тебѣ ничего, а я большой, мнѣ и ѣсть надо больше... Сказано: не могу.

Въ сторонѣ, у проселка, въ дымчатой дождевой кисей, видѣлась одинокая ферма. Во дворѣ кудахтали куры. Мычала теленокъ. Остро пахло навозомъ. Антоновъ постучался въ окно. Дверь отворилась, и въ сѣняхъ показалась старуха,—сгорбленная, въ сѣромъ платкѣ. Увидѣвъ солдатъ, она испуганно замала руками.

— Моген!—сказалъ Антоновъ и прибавилъ по-русски:—Не бойся, тетка, мы не гроемъ: мы русскіе.

Но старуха не понимала. Она подозрительно осматривала его. Тогда онъ перевелъ по-нѣмецки:

Russen... Поняла?... Russen...

Они оба были высокіе, крѣпкіе, съ добродушными лицами и наивными, почти дѣтскими, голубыми глазами.—настоящіе сказочные богатыри. Старуха еще разъ, уже ласково, взглянула на нихъ.

— Вы русскіе?

— Да, да...—радостно подтвердилъ Овсюкъ.

Тогда она заговорила не по-нѣмецки, а по-французски:

— Я французженка. Я не нѣмка. Идите сюда. Идите.

И пустила ихъ въ домъ.

Они ѣли, какъ голодные, не ѣвше трое сутокъ, люди.—быстро, жадно, глотая куски и пашкору заливая сидромъ. Старуха заперла ставни и затворила двери на ключъ. Теперь она улыбалась.

А потомъ они спали на душистой соломѣ и, засыпая, слушали, какъ теленокъ корочается въ хлѣву, и чѣмъ слышась, что они дома, въ русской деревнѣ, и что завтра чуть свѣтъ надо ѣхать пахать.

Передъ разсвѣтомъ старуха просталась съ ними. Она выпула два серебряныхъ образка съ изображеніемъ Дѣвы Маріи.

— Да хранить васъ Господи!

Они кланялись и благодарили. А когда опять вышли въ поле, Овсюкъ потрогалъ свой образокъ и мрачно сказалъ:

— Образокъ-то не нашъ...

— Чего?

— Образокъ, говорю, басурманскій.

— Богъ-то, небось, одинъ.

— То-то одинъ, а все-таки, какъ бы грѣха не вышло...

Въ полночь пѣдухъ угрожающе вздыхалъ орудія. Иногда загораались огни—стрѣляли нѣмецкія батареи. Антоновъ сѣлъ на колыш и ухомъ припалъ къ землѣ. Онъ слушалъ. Онъ слушалъ, какъ слышась лѣсной человѣкъ, крестьянинъ, выросшій въ сосновомъ лѣсу, среди необозримыхъ и тихихъ, всегда молчаливыхъ, полей. Овсюкъ со вниманіемъ слѣдилъ за нимъ.

— Направо, въ деревнѣ, ихняя кавалерія.

— Много?

— Съ эскадройъ будетъ... Наѣво пушки. Прямо, должно-быть, траншея. Намъ сюда. Вотъ этой тропинкой,—рѣшилъ Антоновъ и, не колеблясь, пошелъ впередъ. Овсюкъ бѣгомъ вѣбжалъ за нимъ.

Они были въ тылу нѣмецкихъ позицій, но не встрѣтили никого. Пройдя съ версту, они легли и стали подвигаться ползкомъ. Антоновъ ползъ быстро, совершенно сливаясь съ землей. Овсюкъ шхтѣлъ и старался не отставать. Вдругъ онъ вскрикнулъ:

— Проволока, чортъ ихъ возьми!

Въ гостяхъ у казаковъ. Офицеры „боевой“ сотни 50-го Донскаго казачьяго полка на позиціи. Снято подъ обстрѣломъ противника. Въ центрѣ жена командира сотни Т. Е. Ушакова. Съ палкой—сотрудникъ „Нивы“ Б. Курскій (псевдонимъ), тяжело раненый, но прѣхавшій „погостить“ на позицію.

„Бойцы вспоминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они“. Рѣдкій случай: участвовавшіе за два года войны офицеры п. К—го полка въ первый разъ за все время сошлись „поговорить“ о минувшемъ... Увы, ихъ мало осталось, но оставшіеся бодрѣе и полны готовности биться до конца. Снято въ фольваркѣ подъ сильнѣйшимъ обстрѣломъ противника у Д.

Онъ дернулъ ногой, и въ ту же секунду звонко зазвенѣлъ колокольчикъ. Кто-то рыдалъ, въ двухъ шагахъ отъ него, выстрѣлить въ гермогу. Потомъ кто-то екомандовалъ:

Пал!

Но они не остановились: они пробились черезъ колючія лагранже-нія, точно медвѣди черезъ лѣсную чащу. Руки и ноги ихъ были въ крови и влатѣ въ лохмотьяхъ. Теперь нѣмцы стрѣляли со всѣхъ сторонъ: сзади, справа и слева. Свистѣли пули, и жалобно звонили колокольцы. Антоновъ, продираясь, молился:

— Спаси, Господи... Спаси. Царица Небесная...

И Овсюкъ повторялъ за нимъ:

— Спаси, Царица Небесная.

А потомъ они долго ждали въ глубокой и мокрой ямѣ, почти не смѣя дышать и не вѣря, что спасены. Когда забрезжилъ на востокъ разсвѣтъ, но солнце еще не взошло, Антоновъ осторожно взглянулъ, что дѣлается кругомъ. Онъ поднялъ голову и почувствовать сладковатый запахъ. Онъ понималъ, что это нѣмецкіе трупы, а значитъ французы недалеко. Гдѣ-то щелкнулъ ружейный замокъ. Антоновъ кашлянулъ. И въ отвѣтъ уже не сзади, а впереди прокатился вивочный выстрѣлъ. „Французы

палить. — прошептать в пену Овсюк, и в то же мгновение над ямой внезапно взвилась ракета и повисла свечой. Годубатым сиянием осветились изрытое снарядами поле и опушка леса, Овсюк и Антонов вскопчили и подняли руки вверх: Мы — русские... Русские... Русские...

Когда они наконец очутились во французской траншее и их окружили солдаты в касках и шинелях, Овсюк заплакал, как маленький мальчик. Антонов снял шапку, перекрестился и, обращаясь к французам, сказал:

— Слава Богу... За союзников. За Францию. За Россию.

Западный фронт.

На пути к врагу. Отправка разрывных гранат в траншею.

Дневник военных действий.

Н. Шумского.

Достройка „стѣпы“.

Румынская операция продолжает быть в настоящий момент центром тяжести мировой войны. По мере того, как вступала в свои права осень, эта операция получала все большее и большее развитие, и в связи с постепенным наблюдением затихшем на главных фронтах войны, на румынских театрах стали скопляться все большие и большие силы обеих сторон.

При таких условиях, положение Румынии несомненно представляется серьезным, что, однако, следует понимать лишь в том смысле, что румынские театры войны должны были стать в течение некоторого, довольно значительного, периода времени ареной главной и весьма ожесточенной борьбы весьма больших сил обеих коалиций.

Война, затнувшаяся уже на третий год, начинает приобретать, в извѣстных отношениях, некоторую закономерность. Мы уже по опыту знаем, что весной и летом разыгрываются ожесточенные операции на главных фронтах войны, осенью на них наступает затишье, но зато разыгрываются весьма важные и серьезные операции на второстепенных театрах, главным образом на Балканах, и, наконец, в течение двух-трех зимних месяцев наступает некоторое затишье почти на всех фронтах войны, где обе стороны накапливают новые силы для следующего, такого же колоссального, этапа борьбы.

Поэтому не нужно было быть каким-либо пророком, чтобы еще в августе ожидать, что и нынешней осенью получат весьма большое развитие стратегически и политически важные операции на Балканах, и из них, в первую голову, на румынских фронтах войны, где противнику, прежде всего, при-

дется считаться с таким новым фактором, как выступление подумленной армии наших союзников.

Однако, независимо от этого, надежды всегда исходят из того особого положения, в котором находится Австро-Германия вследствие значительных потерь, понесенных ею за два года войны. Эти потери подразумевают основную идею нынешней германской стратегии, заключающуюся в необходимости обязательно стремиться к занятию „коротких фронтов“ — ибо с меньшими силами можно надеяться успешно оборонять лишь меньшие фронты. Каждая лишняя сотня верст фронта ложится тяжелым грузом на германскую стратегию, вследствие заметного уменьшения сил Австро-Германии, и, прежде чем задумать какую-либо наступательную операцию, немцы должны предварительно искать „короткие фронты“. Только с занятием „коротких фронтов“, только с таким некоторым обеспечением своих оборонительных линий, противник может начать помышлять о том, чтобы где-либо сколотить войска и создать ударную массу для какой-либо наступательной операции.

Таким образом, постъ двух лет войны, германская стратегия оказалась всецело под знаком „сокращения фронта“ и прежде и раньше всего вынуждена стремиться к этому, а потому уже только может замыслить какая-либо наступательная операция.

При таких условиях, операции на Балканах должны были получить весьма большое развитие не только потому, что в осеннее время, вследствие затишья на главных фронтах, является возможным свести значительные силы на Балканы и искать там разрешения каких-либо политических или частных стратегических задач. Эти операции на Балканах должны были получить развитие также и потому, что у ослабленного про-

тивника, именно в период, когда он понес весьма большие потери в течение лета, появились новые 1.100 верст румынских фронтов (600 верст трансильванского фронта и 500 верст румыно-болгарской границы, от Орсовы до побережья Черного моря в Добрудже). Если к этому добавить, что граница Румынии с Трансильванией имѣет такое очертание, что охватывает южную оконечность всего восточного фронта, нынѣ протягивающегося от Балтийского моря до Дуная, то необходимость крупных и важных операций противника станет еще более понятной.

Таким образом, три фактора — осеннее затишье на главных фронтах, затѣм, 1.100 верст новых для противника фронтов и, наконец, охватывающее очертание румынской границы обуславливали необходимость крупных операций на румынских фронтах войны. Этого, конечно, не могли не видеть румыны, прежде чем присоединиться к коалиции держав союзниц, и очевидно, как они, так и союзники считались с неизбежностью того, что, в случае присоединения Румынии, границы этой новой союзницы неизбежно станут районами главнейших операций. — Но крайней мерѣ, в течение первого и притом довольно значительного по времени периода. Это, в свою очередь, подразумевало, что на румынских фронтах обозначится не только сильный натиск противника, но и соответствующее противодействие со стороны союзников, ибо, как мы отмѣчали выше, было вполне ясно, что здесь, во всяком случае, осенью должны произойти крупные события.

Таким образом, надо было ожидать не только крупных событий, но и накопления крупных сил обеих сторон на румынских фронтах.

Так как противнику приходилось, прежде всего, считаться с тем, что к его безконечным фронтам прибавилось еще 1.100 верст румынских фронтов, а между тем силы его ослаблены, то, естественно, что первая операция противника должны были быть направлены к его необходимости для него „сокращению фронта“. Этим и объясняется как наступательная операция Фалькенгайна в Трансильвании, так и наступательная операция Макензена в Добрудже. Из карты нетрудно видеть, что такое движение противника из Трансильвании в Добрудже подразумевало его стремление вместо 1.100 верст фронта, который образуется обходом всей границы Румынии, прийти к фронту верст в 400, который должен быть, по мнению противника, образован прямой линией, протягивающейся от Буковины до Констанцы через Румынию. Для 1.100-верстного фронта у противника не могло хватить новых войск, при потерях его за два года войны, но 400 верст противник,

Командующий флотом Балтийского моря вице-адмирал А. Н. Непенин.

значилось наступление противника, то театр Добруджи, в силу глѣх условий, в которых находился там противник, сразу потерял свое значение.

Этим и объясняется, что из двух операций — Макензена и Фалькенгайна — главной стала операция Фалькенгайна, ибо по-настоящему наступать по крайне труднодоступной местности Трансильванских Альп, но все же по местности одолжимой, и притом, намѣчать попытку продвинуться на соединение с Макензеном, для образования того короткого, 400-верстного фронта, между Буковиной и Констанцей, о котором мы говорили выше. Таким образом, стремление противника образовать упомянутый выше 400-верстный фронт могло быть „теоретически“ осуществлено лишь за счет продвижения Фалькенгайна, а не за счет продвижения Макензена.

Таковы те условия, которые, во-первых, сложились на осенний период всей важнейшей операции европейской войны к операциям на румынских фронтах, а из этих двух румынских фронтов, в свою очередь, свели все операции к единой главной операции — операции Фалькенгайна на пути из Трансильвании в Румынию. Сколь это ни кажется неожиданным, но это было именно так, и узел европейской войны оказался осенью завязанным на значительно второстепенном трансильванско-румынском фронте, где шла весьма важная борьба за то, чтобы не дать ослабленным армиям противника занять

На кавказском фронте.

Пехотные наблюдатели на высоте 2.000 метров у Калкита.

выгодный для них и единственно возможный для их обороны короткий фронт.

Еще дабы мы могли наблюдать, что противник, доведя в свое время фронт на запад до его естественных предель, — Северного моря на одном конце и нейтральной Швейцарии на другом конце, — стремился создать такие же естественные пределы для фронта на восток, такую же перегородку, прорезающую и на восток Европу от моря до моря. Если учесть нейтралитет Швейцарии и непригодность этой страны, как театра для крупных операций, то, учитывая также итальянский фронт, можно видеть, что на запад Европа перегорожена поперек стеной, протянувшейся от Северного моря до Адриатического. Теперь противник, очевидно, стремится докончить построение такой же стены и на восток. Дотянув прошлой весной один конец своего фронта до Балтийского моря, он дотягивает теперь другой конец своего фронта до Черного моря.

Если бы когда-либо до войны кто-нибудь сказал, что в будущем европейском столкновении будут выстроены две «китайские стены» на запад и на восток, — одна от Северного моря до Адриатического, а другая от Балтийского моря до Черного, и что, перегородив таким образом Европу поперек двумя стенами, Германия будет обороняться, — безусловно никто бы этому не поверил, и всякому бы такая идея показалась смехотворной. Когда-то наивное искусство Китая создало знаменитую «китайскую стену», по о том, что к такому приему прибегнуть культурнейшие народы середины Европы, и что ослепленная идея «австрийского кордона» возродится в таком широком масштабе, — об этом не могли помышлять никакие «стратегические мудрецы».

Казаки Оренбургского казачьего полка Николай Петрович Пономарев, Запорожской станции, Челябинского уезда. Получил пять боевых отличий и произведен в прапорщики.

Карточная система.

(Вопросы внутренней жизни).

Переживаемая в связи с войною тяжелая продовольственная затруднения отчасти объясняются и недостатком умелой организации, но в известной мере представляют собою и вполне естественные последствия чисто-стихийных причин, совершенно независимых от чьей-нибудь злой воли или нераспорядительности. Россия еще не оскудела ни хлебом, ни крупами, ни запасами овощей, яиц, масла, и у ней найдется вполне достаточно продовольствия для питания армии и населения, но некоторые продукты, успевшие сбавиться предметом первой необходимости, как, например, сахар, действительно имеются в очень ограниченном количестве. Причиной недостатка сахара служат прежде всего временное занятие неприятелем юго-западных районов, в которых расположена большая часть крупных сахарных заводов, а затем затруднения в уборке плантаций сахарной свекловицы, благодаря которым значительная часть прекрасного урожая осуждена на гибель. Даже при усилении расширения Киевских, одесских, полтавских и других сахарных заводов они при недостатке свекловицы едва ли смогут выработать достаточное количество сахара, которого хватило бы на удовлетворение всего рыночного спроса внутри

и черной, на вывоз в Финляндию, Персию и азиатские страны.

Недостаток в самом предложении и в выработке продукта, ставшего предметом общей потребности, вынуждает поставить вопрос о снабжении и равномерном распределении его между всеми гражданами империи. Государство не может сбавить нужным каждому обывателю сахар, предметом свободной купли-продажи, при которой более богатые потребители получали бы его в неограниченном количестве по повышенным ценам, а более бедные оставались бы совершенно без сахара. Задачи и глубоко-демократический морально-гражданский смысл карточной системы заключается именно в том, что она не допускает захвата необходимого для всех граждан продукта наиболее состоятельными, экономически сильными группами населения, но обеспечивает за каждым потребителем право купить его по установленной цене в равном количестве. Право на приобретение продукта устанавливается уже не количеством достояния количества денег, а нормами чисто гражданско-правового характера. Власть капитала, власть богатства, до сих пор безграничная на рынке, с введением карточной системы сразу ограничивается государственной властью по чисто-правовым мотивам и соображениям. Пока необходимого продукта — сахар, хлеба и проч. — имеется на рынке сколько-нибудь, каждый может получить его в неограниченном количестве, но, если его немного, тогда он должен быть разделен по-братски. Карточная система, кладя конец единоличному господству в сфере экономических отношений денег и вводит в действие другие принципы, другие общественные начала. Влияние и поле их приложения не могут ограничиться одним снабжением сахарными запасами. Суровая необходимость заставила нас признать колоссальное общественное значение торговых операций. Купля и продажа продуктов, продовольствия и предметов первой необходимости получила характер не частной сделки между продавцом и покупателем, а важного государственного дела. Власть почувствовала себя ответственной за снабжение населения всем, что необходимо для его жизни и напряженной работы в тылу армии, и сбавила задачу потребителям задачей своего государственного служения. Сахар и мясо, в сущности, представляются единственными предметами, нуждающимися для правильного распределения их в ведении карточной системы, потому что количество их, могущее быть выпущенным на рынок, весьма ограничено. Что же касается муки, масла, яиц, овощей и прочих продуктов, то их неопозволительная дороговизна и временный недостаток их на рынке объясняются исключительно недостатком выдержанной организацией поставок и неспособностью административных и общественных деятелей бороться с вредною работою мародерствующей спекуляции. Энергичное вмешательство в продовольственный вопрос высшей военной власти и новые тенденции, созданные за последнее время в этом направлении в правительственных сферах, не оставили никакого сомнения, что продовольственный вопрос будет поставлен у нас ребром и дожидается наконец радикального решения.

Содержание. Т. Г. К. С. Т. Верден. Рассказ Георгия Павлова. — Вальтер Гринвич, шлюх. Рассказ Роберта Хольмса, полицейского священника. — Побег. Рассказ В. Рошкова. — Дневник военных действий. К. Шумского. — Карточная система. (Вопросы внутренней жизни). — Объявления. — Убийства войны.

РИСУНКИ: Восток — от сына. Картина Н. Богданова-Бельского. — Иллюстрация В. В. Савского на рассказ Георгия Павлова «Верден». — На саванномском фронте. — На западном фронте. — Молоки и дтей русских добровольцев. в Голландии-Росов близ Парижа (2 рис). — Школьная полиция на военный заезд в Англию. — Пленные. По фот. С. Корсакова. — В гостях у псковцев. — Бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они. — Западный фронт. На пути в атаку. — Командующий флотом Балтийского моря вице-адмирал А. И. Непенин. — На вавязском фронте. Наблюдатели на высоте 2.000 метров у Малина. — Казаки Н. П. Пономарев.

К этому № прилагается сочин. Шарля де-Костера: «Уленсгильд» книга 3.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редактор В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,

Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

В Царской Ставке. 6-го октября великобританский посол сэр Джордж Бьюкенен, прибыв в Царскую Ставку, был принят Его Императорским Величеством в отдельной аудиенции. Посол, по повелению короля Георга, передал Государю Императору знаки ордена Бани 1-й степени за военные заслуги. При передаче ордена посол обратился к Его Величеству со следующими словами на английском языке:

— Передаю Вашему Императорскому Величеству в прошлом феврале великобританский фельдмаршалский жезл, король хотел выразить свои искренние чувства восхищения перед доблестной армией Вашего Величества. Нынче, проса Ваше Величество принять высокий военный орден, его величество желает особенно отметить, насколько он ценит услуги, оказанные флотом Вашего Императорского Величества. Несмотря на большой численный перевес германского флота, балтийский флот Вашего Величества отразил, навесил потери, все атаки на Ригу, производил успешные выходы и заградил доступ в Финский залив. Подобно великобританскому флоту в Северном море флот Вашего Величества все сторожевую службу в Балтийском море, и, несмотря на невозможность сражаться вместе, оба флота действуют совместно в потном единении. Сверх того, английские подводные лодки, проникшие в Балтийское море, гордятся возможностью сражаться под начальством командующего морскими силами Вашего Величества в этих водах. В Черном море турецкий флот, усиленный «Гебеном» и «Бреслау», послы многочисленных неудачных встреч с судами Вашего Величества был загнан в Босфор. Сознывая эти заслуги, его величество король Георг V в знак восхищения перед русским флотом повелел мне передать Вашему Императорскому Величеству, как Верховному Вождю сухопутных и морских сил, знаки 1-й степени ордена Бани за военные заслуги.

Государь Император, приняв знаки ордена, в милостивых выражениях благодарил посла.

Командующий флотом Балтийского моря. Назначенный вместо адмирала Каннина командующим флотом Балтийского моря вице-адмирал А. И. Непенин родился в 1871 году, образование получил в Морском корпусе и поступил на службу в 1889 году; через три года после того был произведен в мичманы. Участвуя в русско-японской войне, Адриан Иванович Непенин отличился во многих боях и был награжден орденом св. Георгия 4 степени. В 1907 году А. И. был произведен в капитаны 2-го ранга, а в этом чине последовательно командовал миноносцем «Прозорливый», затем дивизионом миноносцев в Балтийском море, и, наконец, канонерской лодкой «Храбрый».

В настоящую войну А. И., произведенный в контр-адмиралы в 1914 году, занимал одну из самых ответственных должностей во флоте Балтийского моря и здесь выдвинулся в ряды сотоварищей своими военными знаниями и способностями. Произведенный в чин вице-адмирала 6-го сентября 1916 года, с назначением командующим флотом Черного моря А. И. Колчаком (см. № 42 «Нивы»), является в числе самых молодых вице-адмиралов не только в России, но и за границей.

Победный Верден. В настоящее время, когда доблестная французская армия, обороняющая и оборонявшая Верден, прорвала весь германский фронт и отняла обратно у потчи, руководимых германскими кронпринцами, главнейший форты Дюмон, основу обороны Вердена, и взял в плен немецкого его коменданта, — приобретает особый интерес только что опубликованный в германских газетах приказ по армии, отданный кронпринцем.

«Кайзер» пожаловал мнѣ дубовые листья к знаку ордена «За заслуги» Это высокое отличие подтверждает его благоволение. Отличие это — не мнѣ одному, а каждому солдату моей храброй армии. Оно является выражением

благодарности его величества за все то, что моя армия сбавила под Верденом.

Нынче, когда кампания еще не кончилась, значение боев, которые свирепствовали под Верденом без перерыва с 21-го февраля, для влияния на ход великой войны, которую Германия вынуждена вести, дабы спасти свое существование, не могут еще быть оценены. Один факт все же установлен: редко в истории от какой-либо армии требовались такие великие усилия, редко такие усилия проявлялись в столь трудных условиях, редко проявлялись такая настойчивость в атаках, такое презрение к смерти и такая сила сопротивления, когда требовалось сохранить то, что было приобретено.

Товарищи! Вы доказали, что вы всегда были на высоте вадания, выпавшего на вашу долю. Вы можете быть уверены в моей вѣчной благодарности. Главнокомандующий Фридрих-Вильгельм прусский, наследный принц Германской империи.

Газета «Темпер», воспроизводя этот приказ, дает следующую оценку тому, кто получил дубовые листья к ордену «За заслуги»:

«Германская печать говорит немного о «высокой награде», пожалованной императором Германии кронпринцу Герману Фридриху-Вильгельму. Молчание это понятно, ибо дубовые листья, пожалованные императорскому и королевскому жертвоприношению под Верденом, похожи на вѣнок, возложенный на могилу».

Сколько имен лежат в этой могиле? Об этом скажет история. Убитые и раненые под Верденом исчисляются сотнями тысяч. Когда идти в атаку под огнем пушек «75», приходится платить дорого, а когда эти атаки повторяешь в продолжение шести месяцев, приходится платить очень дорого, и считать себя проценом можно только одним, — добившись успеха. Однако, успеха кронпринц не добился, а добился ордена.

Могла эта — и могла германских надежд... Начав атаку на Верден, германский штаб был уверен в победе. Он сообщал об этом нейтральным странам секретными нотами, он сообщал об этом германскому народу в газетных статьях. Уверенность его в победе была такова, что, мечтая о скором конце, он потерял всякую мѣру в расходовании орудий и снарядов.

Кронпринц находился в центре этой картины. Наследник германского престола уложил в двадцать шесть месяцев войны больше, чем какой-либо другой генерал. Ему нужны были лавры. Он искал их в Аргонах, ведя в продолжение пяти месяцев бессмысленные атаки; он искал их под Верденом, ведя шесть месяцев бой, но нашел он только дубовые листья.

Нобелевская премия мира. Нобелевская премия мира уже несколько лет остается не присужденной. — Достанется ли она кому-нибудь в этом году, а кто заслужил «премию мира» посреднической кровавой схватки народов? — спрашивает копенгагенский корреспондент «Рус. Вѣд.» Гроссман. В газетах промелькнуло известие, что с различных сторон делаются усилия, чтобы этой премией наградить Швейцарию. До сих пор мы знаем случаи, когда премия мира получала глава государства. Если вѣрны слухи, то впервые само государство является нобелевским лауреатом. Инициатива в этом направлении принадлежит известному психиатру профессору de-Gibert, который нашел рѣшительную поддержку со стороны всех крупных организаций Европы, имеющих влияние на назначение нобелевских премий. Основанием для такого отличия служит чрезвычайная гуманитарная деятельность Швейцарии. Громадные расходы, которые маленькая страна несет по организации почтовых сношений с военнопленными, по перевозке гражданских пленников, по интернированию больных воинов и т. п., далеко и будут покрыты Нобелевской премией. Но моральная ценность такого отличия доставит странѣ глубокое удовлетворение.

Вышла из печати и поступила в продажу

НОВАЯ КНИГА

А. КОТОМКИНЪ-САВИНСКИЙ.

„КНЯЗЬ ВЯЧКО И МЕЧЕНОСЦЫ“

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

из эпохи войн XIII-го столѣтія — завоевание немцами Прибалтийского края.

ПОСВЯЩАЕТСЯ АВГУСТЫШЕМОУ ПОЭТУ

К. Р.

Цена один рубль.

Склад издания: при Конторѣ журнала „НИВА“, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя, 22.

Бокинъ, П. Н. подвижные игры.

4-е издание. Съ 81 рис. Авторъ прихотливый воспитатель и самъ учащийся.

В книге описаны 20 подвижных игр, в которых участвуют 2-4 человека. В книге приведены только игры, проверенные на практике и оказавшиеся достаточно интересными, интересными и легко усвоимыми.

Цена книги в прочной папке 2 руб., съ перес 2 р. 30 к.

Шалости уменьшаются!

ДАЙТЕ ДѢТЯМЪ

ЗАНЯТИЯ И ЗАБАВУ.

Занятия и забавы для детей. 3-е изд. 3 р. 50 к. кассета, почтой, плат. для иррива. и склеиваем: 1) Русск. войско, союзники, враги (ок. 220 фигур) или 2) Аэро-гидроплав, санит. повозки, брониров. автомобили, дредноуты, крейсера, пароходы, катера, минноболов, санит. автобусы, вагоны, все жиния народ., птицы, звери. и т. д. 4-й изд. 3 р. 50 к.

Контора „ЗАНЯТИЯ И ЗАБАВА“, 17, г. Гатчина, Петроградъ, 17б. Боготовская ул., 57.

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕ СВѢТѢ

АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗЬАЛЬНАЯ МАШИНА

„ВИКТОРИЯ“

стоит 200 руб.

ВЯЖЕТЪ въ одну минуту 20.000 петель, въ 15 минут один чулок, ежедневно 24 пары.

Теперь мы платим 2 р. заработной платы за каждую дюжину пар чулок или носков, вместо прежних 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Нужно 500 благодарственных писем.

Мы ищем **немедленно** старательных вязальщиц и вязальщиков для легкой домашней работы, мужчин, женщин и детей.

Предварительных знаний не требуется. Работодатель не служит препятствием.

Требуется наш бесплатный проспект.

Осл. въ 1905 году

Товарищество вязальных машинъ

Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42 — 11.

K K B A

Boysen Museum of J. K. B. A. M. D. 1902

